

НЕИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Советское радио празднует пятнадцатилетие. Это — торжество не только работников радио, но и всей нашей культуры.

Если бы вам сказали, что в Москве ежемесячно выходит литературно-художественный журнал, объем которого равен 50 листам, тираж превышает десять миллионов и распространяется в ту же секунду, как выходит в свет, вы приняли бы это за выдумку.

Однако такой мощный плацдарм для пропаганды средствами художественного слова действительно существует и представляется собой не что иное, как литературное вещание Всесоюзного радиопомощи.

Каждый бы, что в такой широкой и действенной трибуне должно быть привлечено внимание литературной общественности и печати. Казалось бы, она должна была стать местом соревнования лучших художников слова. К сожалению, это совсем не так. Большинство наших лучших писателей ограничивается тем, что дает или предоставляет право брать отрывки из непечатанных произведений. Иногда писатели — чаще поэты, — выступают у микрофона с чтением своих произведений. И это — все.

Надо прямо сказать, что в недостаточном внимании литературной общественности к радио виноваты и работники Радиокомитета и сами писатели. Поэтому исправлять это упущение нужно совместными усилиями организаторов. Радио не только не умело до сих пор заинтересовать и привлечь писателя, но часто и отталкивало его. Для писателя должны быть созданы все необходимые условия, которые помогли бы ему в работе над оригинальным произведением для радиоаудитории.

Отсутствие зрительных впечатлений, восприятие только на слух осложняет эту работу, но, с другой стороны, богатство музыкального оформления, которым располагает радио, обогащает возможности писателя.

Если произведение, предназначенное для микрофона, начиная от ранних стадий работы над ним, будет создаваться автором в творческом коллективе с режиссером и композитором, писателю будет значительно легче справиться со спецификой, и в такой постановке будет достигнуто органическое сочетание текста, игры и музыки. Литературное вещание избегает тех грубых приемов, которые ощущает сейчас слушатель в примитивных «радиомонтажах», где отрывки прозы приносятся напек в музыку, музыка внезапно перебивается стихами, в стихах вырывается песня, и, несмотря на все старания настоячивого «конферансье», предназначенного для сцепления разрозненных частей, весь монтаж рассыпается на мелкие осколки.

Недостаток в литературном вещании немало. Но останавливаться на них подробно, нельзя все же пройти мимо некоторых особенностей, штампа и отсутствия живости изложения во многих выступлениях, а монографичности и литературных очерках у писателей. Вредит работе диктатура хронометража, в угоду которому производится бесцеремонные купюры, бессистемность и случайность выбора классических и современных литературных произведений. Слушатель, который попробует восполнить свое литературное образование при

эстетического удовольствия. Мы своими переводами должны дать читателям верное представление об авторе, о его роли в литературе, о путях развития литературы братских народов. Вот почему мы должны безоговорочно остановиться на адекватном художественном переводе.

Если можно на первых порах переводить, не зная языка и пользуясь подстрочником, то никак нельзя мириться с незнанием истории культуры, быта и психологии того народа, с языка которого ведется перевод. Нельзя мириться с незнанием различных языков и систем.

Чрезвычайно большие трудности встречаются при переводе идиом и синонимов. Передко незнание идиоматики своей и чуждой речи приводит к искажению смысла не только фразы, но и всей мысли автора. Когда один из переводчиков выражение «скатертью дорога» перевел «дорогой тебе будет» или «спустя рукава» перевел дословно, получилось такое противоречие с тем, что хотел сказать писатель, что автор вполне справедливо считал себя скромником и скромницей.

Не меньшее значение имеет для переводчиков изучение диалектов. Лучшим способом для этого была бы связь переводчиков с местными исследовательскими институтами.

16 марта с утра началось занятия курсов. Проф. Г. Сердюченко прочел доклад «Беларуский и Добролюбоб о проблемах перевода». Ветером, вернувшись из Музея революции, переводчики провели длительный беседу с К. Чуковский о принципах художественного перевода.

17 марта под руководством М. Тарловского состоялось занятия по теме «Оригиналы и подстрочники», вечером под руководством Г. Сердюченко и при участии московских писателей состоялась беседа об идиомах и труднопереводаемых выражениях.

Открытие курсов-конференции переводчиков Курсовая конференция переводчиков начала свою работу без всякой торжественности. Приехавшие гости сразу создали деловую атмосферу. Да и на гостей они не были похожи. Середоточенные, каждый со «спинком» требований и жалоб, они еще задолго до открытия засыпали руководителей курсов вопросами, сообщениями, предложениями. Почему лабораторных работ намечено меньше, чем докладов? Почему идиомам не посвящено практических занятий? Почему нет разбивки на группы по родственным языкам? Почему не было никаких указаний по переводу «Памятника» на язык, которым свойственно слабобическое стихосложение? Все эти вопросы и требования несколько изменили приветственный характер вступительного слова. Профессор Сердюченко вместо приветственной речи слово свое начал с анализа программы занятий.

У нас в Союзе, — сказал Г. Сердюченко, — выходят книги на 111 языках, газет — на 70 языках. За период советской власти 40 народов получили письменность. Эти цифры, если в них думать, ярче всего свидетельствуют о роли переводчика в нашей стране. В процессе культурного обогащения народов переводчик принадлежит почетное место. Ответственность его исключительно велика. Это лучше всего понимали классики марксизма — Маркс, Энгельс, Ленин. Проблема перевода интересоваала также В. И. Ленинского, Чернышевского, Добролюбова. Их высказывания о методике перевода не обходимо внимательно изучать.

«ТИХИЙ ДОН»

М. ШОЛОХОВ

ГЛАВА ИЗ VIII ЧАСТИ РОМАНА

Часам к восьми утра Аксинья загребла жар в печи, присела на лавку, вытирая лавочкой раскрасневшиеся, потные лбы. Она встала еще до рассвета, чтобы поспеть освободиться от стирки, — парварла лавки с курицей, наекала блинов, вареники обильно залила маймаком, поставила закарывать; она знала — Григорий любит закарывать вареники, и готовила праздничный обед в надежде, что возлюбленный будет обитать у нее.

Ей очень хотелось под каким-нибудь предлогом пойти к Мелеховым, побыть там хоть минуточку, хоть одним взглядом взглянуть на Григория. Просто немилость было думать, что он тут, рядом, и не видеть его. Но она все же пересилила это желание, не пошла. Не деловая же она, в самом деле. В ее возрасте нечем поступать легкомысленно.

Она тщательнее, чем раньше, вымыла руки и лицо, надела чистую рубашку и повую, с прошивкой, нижнюю юбку. У отпрыска сундука долго стояла в раздумьи — что же все-таки пасть? Неудобно было в будничной день наряжаться, но и не хотелось оставаться в простом, рабочем платье. Не зная, на чем остановить свой выбор, Аксинья хмурилась, небрежно перебрала выглаженные юбки. Наконец она решительно взяла темновесную юбку и почти непошвенную голубую кофточку, отделанную черным кружевом. Это было лучшее, что она имела. В конце концов не все ли равно, что надумают о ней соседи? Пусть для них сегодня — будни, зато для нее — праздник. Она торжественно принарядилась, подошла к зеркалу. Легкая, удивленная улыбка скользнула по губам: чьи-то молодые, с озорным, глаза смотрели на нее пылливо и весело. Аксинья внимательно, строго рассматривала свое лицо, потом с облегчением вздохнула. Нет, не отцвела еще ее красота! Еще не один казак останется при встрече и провозгласит ее ошалевшим глазом!

Оправившись перед зеркалом юбку, она вслух сказала: «Ну, Григорий Пантелевич, держись!» — и, чувствуя, что краснеет, засмеялась тихим, приглушенным смехом. Однако все это не помешало ей найти на висках несколько седых волос и выдернуть их. Григорий не должен был видеть ничего такого, что напоминало бы ему об ее возрасте. Для чего она хотела быть такой же молодой, как и ее сестры?

До обеда она кое-как высидела дома, по потом не выдержала и, выкинув на плечи белый, кокетливо лукавый пошак, пошла к Мелеховым. Дунышка была дома одна. Аксинья поздоровалась, спросила: — Вы не обидели? — С такими бездомовниками пообедать во-время! Муж в Совете, а Гриша ушел в станицу. Детинек уже покормила, жалу большак.

Внешне спокойная, на движение, на словом не выказав постигнутого ее разочарования, Аксинья сказала: — А я думала — вы все в сборе. Когда же Гриша... Григорий Пантелевич вернется? Никуда? — Дунышка окинула быстрым взглядом принарядившую соседку, холода сказала: — Он пошел на регистрацию. — Когда сулил вернуться? — В глазах Дунышки сверкнули слезы; зашамкала, она с упрямом протворила: — Тоже, наша время... разнарядилась... А того не знаете, — ой, может, и не вернется вовсе... — Как — не вернется? — Михаил говорит, что его арестуют в станице... Дунышка залепала слезами, злыми слезами, вытирая глаза рукавом, выкрикнула: — Будь она проклята, такая жизнь! И когда все это кончится! Ушел, а детинки, как, скажи, они перебивались, — хому мне не дадут: «Куда багрянка ушла, да когда она придет?» А я знаю! Проводила воп их на баз, а у самой все сердце изболелось. И что это за проклятая жизнь! Нету никакого покоя, хоть криком кричи... — Если к ночи он не вернется, — завтра пойду в станицу, узлаю, — Аксинья сказала это таким безразличным тоном, как будто речь шла о чем-то самом обыденном, что не стоило ни малейшего волнения.

Днясь ее спокойствие, Дунышка вздохнула. — Теперь уж его, видно, не ждать. И на горе он шел сюда! — Ничего покажет не видно! Ты кричать-то перестань, а то дети подумают. Прощай!

Григорий вернулся поздно вечером. Поблизу немого дома, он пошел к Аксинье. Тревога, в которой провела она весь долгий день, несколько притупила радость встречи. Аксинья к вечеру испытывала такое ощущение, как будто работала весь день, не разгибая спины. Подлая иная и уставшая от ожидания, она прилетела на кровать, задремала, но, засыпавшая шая под окном, выконала с живостью девочки. — Что же ты не сказала, что пойдешь в Вешню? — спросила она, обнимая Григория и растегивая на нем шпиль. — Не успел сказаться, спешил. — А мы с Дунышкой открыли, каждая по-разному, думали, не вернется. Григорий сдержанно улыбнулся. — Нет, до этого не дошло. — Помогал и добавил: — Пока не дошло. Прихрамывая, он прошел к столу, сел. В раскрытую дверь была видна горнилка, широкая деревянная кровать в углу, сундук, тускло освещающийся медью окон. Все здесь осталось таким же, каким было в то время, когда он еще парнем заглядывал сюда в отсутствие Степана;

почти ни в чем он не видел перемен, словно время шло мимо и не заглядывало в этот дом; сохранился даже прежний запах: пахло бражником душиком свежих хлебных, часто вымытых полами и, совсем немного, чуть слышно — углящим чебрецом. Как-будто совсем недавно Григорий в последний раз на заре вышел отсюда, а на самом деле, как давно все это было... Он подавал вздох и не спеша стал свертывать шарф, по почему-то дрогнули руки, и он рассыпал на колени табак. Аксинья торжественно собралась на стол. Угрюмую лавку надо было подогреть. (Собрав за шею, она в сарай, Аксинья, заблаговременно и слегка победившая, стала разводить огонь на зашпесте. Она дула на углище неспешно пылающие угля и устремляла поглядывать на сгорбившегося, молча курящего Григория.)

— Как твой дела там? Все упрямила? — Все по-хорошему. — С чего это Дунышка взяла, что тебе беспрестанно должны зарекомендовать? Она и меня-то научила домерять... Григорий поморщился, с досадой бросил шарф. — Михаил ей в упрям паду. Это он все придумывает, беду на мою голову клечат. Аксинья подошла к столу. Григорий взял ее за руки. — А ты знаешь, — сказал он, снизу вверх глядя в ее глаза, — дела мои не очень хорошие. Я сам думаю, как мед, что не выйду оттуда. Как-никак, я дивный компаньон в востание, сотник по чину. Таких зарпак к рукам прибавляют. — Что же они тебе сказали? — Анкету дали заполнить, бумага такая, всю службу так надо описать. А из меня писарь плохой. Сроку так много не приналодо писать, часа два сидел, описывая все свое происхождение. Потом шло двое в комнату зашли, всё про востание расспрашивали. Ничего, обязательные люди. Старший спрашивает: «Чью он хочите? Только с сахаринкой. Какой там, думаю, чай! Хотя бы ноги от вас в ценности унести». Григорий подошел и презрительно, как о постороннем, сказал: — Жидоват оказался на распуте... Сро...

...за себя за то, что там, в Вешенской, струлся и не в силах был побороть охвативший его страх. Ему было видно досадно, что опасения его оказались напрасными. Теперь все пережитое выглядело смешно и постыдно. Он думал об этом всю дорогу и быть может потому сейчас рассказывал обо всем этом, высеивая себя и несколько преувеличивая испытанные переживания. Аксинья внимательно выслушала его рассказ, затем мягко освободила руку и отошла к печи. Попрямляя огонь, она спросила: — А как дальше? — Через неделю опять надо идти, отмеряться. — Думаешь, тебя все-таки заберут? — Как видно — да. Рапо или подождо возьмут. — Что же будем делать? Как жить будем, Гриша? — Не знаю. Давай потом об этом подумай. Вода у тебя есть умыться?

Они сели ужинать, и снова в Аксинье вернулось то полное счастье, которое испытывала она утром. Григорий был тут, рядом с ней; на него можно было смотреть безотрывно, не думая о том, что посторонние подстергают ее взгляды, можно было говорить глазами все, не таясь и не смущаясь. Господи, как она соскучилась по нем, как истомилось, начужало по этим большим неласковым рукам ее тело! Она почти не прикасалась к еде; слегка понахлебав вперед, смотрела, как жално жует Григорий, заскала затуманившимся взглядом лицо его, смуглую, туго обтянутую сточкам воротником гимнастерки шею, широкие плечи, руки, тяжело лежавшие на столе... Она жално выдыхала истончивший от него смешанный запах перепного мужского пота и табака, такой знакомый и родной запах, свойственный лишь одному ему. Только по запаху она с завыванием глазами могла бы отличить своего Григория из тысячи мужчин... На шеках ее торел густой румянец, часто и гудло стучало сердце. В этот вечер она не могла быть внимательной хозяйкой, потому что кроме Григория не видела ничего вокруг. А он и не требовал внимания: сам отрезал хлеба, поныкал глазами и напел солонку на комелье печи, напел себе вторую тарелку лапши.

— Голодный я, как собака, — слово оправдываясь, с улыбочкой сказал он. — С утра ничего не ел. — И только тогда Аксинья вспоминала о своих обязательствах, торжественно вскокала. — Ох, головушка горькая! Про вареники и про блинчики ты я забыла! Ешь курятину, пожалуйста! Ешь дожей, мой родимый... Заряк всё подом. — Но как же долго и старательно он ел! Как будто его не кормили целую неделю. Угощать его было делом совершенно излитным. Аксинья торжественно жала, потом все же не выдержала: села рядом с ним, левой рукой прижала к себе его голову, правой влада чистый растительный супчик, сама вытерла возмущенному замаслившему губы и подборок и, залмурив глаза так, что в темноте брызнули оранжевые искорки, но дыла, крепко прижалась губами к его губам.

В сущности, человеку надо очень немного, чтобы он был счастлив. Аксинья, во всяком случае, была счастлива в этот вечер.

За пять дней

ПАМЯТИ ВЕЛИКОГО ПОЭТА

Московская Государственная филармония организовала в Доме ученых большой литературный вечер памяти В. Маяковского. Особый интерес этого вечера заключался в том, что на нем впервые читались отрывки из непечатанных еще Маяковского.

Н. Асеев, открывший вечер, читал неопубликованные отрывки из поэмы «Маяковский» и поэмы «Смерть».

Главу из написанной им биографии Маяковского читал В. Перцов. Эта глава посвящена поездкам поэта на СССР и его публичным выступлениям.

Каждое из этих выступлений, пишет В. Перцов, было схваткой нового со старым. Замечательные афиши его выступления были шифрованной рекламой идей. «Я хочу быть поэт мой страной», так объявлял свои странствования В. Маяковский. Им был разработан обширный план поездок по СССР, предусматривавший обзор сначала городов, а потом деревен.

М. Поликовский прочитал отрывок из написанной им книги «Маяковский-киполетер».

После прочитанных отрывков, с астралай заучувала страстная поэтическая речь Маяковского в исполнении В. Яхонтова, Д. Журавлева и Я. Кайранской.

ПИСАТЕЛИ ЛЬВОВА В ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ

Львов (От наш. корр.). Огромное доверие и высокая честь возложены писателям советского Львова: трудящиеся западных областей Украины выдвинули кандидатуры четырех литераторов в депутаты Верховных Советов СССР и УССР. Хорошо известная всей советской стране и за ее рубежами польская писательница Ваня Василевская и профессор Львовского университета академик Кирилл Косицкий Студийский зарегистрированы кандидатами в депутаты Верховного Совета СССР, а крупнейший историк украинской литературы академик Михаил Степанович Возняк и сын классика украинской литературы Петр Иванович Франко будут баллотироваться в Верховный Совет УССР.

Такое доверие со стороны широких слоев рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции к работникам литературного труда выражает неслучайно ответственность как на украинских, так и на польских и еврейских писателей Львова. И к участию в избирательной кампании писатели отнеслись как к своей почетнейшей обязанности.

За очень короткий срок писатели подготовили сборник размером свыше четырех печатных листов, посвященный выборам в бывших государствах: Польше и Австрии. Сборник ярко рисует, как в этих государствах происходил так называемый акт всепарольного волеизъявления, как ничтожно обманывали избирателей кандидаты, как преступно фальсифицировались результаты голосования. Настоящая свобода выборов возможна только в советской стране — такова центральная мысль сборника.

Очень интересный опыт проделала группа польских писателей совместно с сотрудниками и работниками польской газеты «Красное знамя». Они организовали агитационную бригаду, часто выступавшую на предприятиях. Агитационный и пропагандистский материал подается зрителем в виде легко запоминающихся песенок, коротких драматических вставок или импровизированных сценок, разыгранных самими авторами. Выступления этого небольшого литературно-драматического самодеятельного коллектива сопровождаются неизменным успехом.

Избирательная кампания дала писателям возможность поближе познакомиться с новыми читательскими массами, узнать их запросы, присмотреться к их жизни. ЮР. ШОВКОПЛАС

ВЕЛИКИЙ ЧУВАШСКИЙ ПОЭТ

2 июня исполняется 50-летие со дня рождения великого чувашского поэта К. В. Иваново. Президиум союза советских писателей утвердил юбилейный комитет в следующем составе: А. Жаров (председатель), Н. Чертова (секретарь), Э. Аннинштейн, Д. Алтаузен, Т. Ахазов, Э. Валеев, А. Волков, Б. Прокопьев, А. Деев, В. Елькин, В. Звоничева, И. Ивлев, И. Казаков, Бухаринев, К. Мартынов, М. Миронен, М. Петров, А. Ромк, И. Сельвинский, В. Стрелыченко, А. Тварковский, А. Фадеев, А. Файал, Н. Фахрутдинова, П. Хузангай, С. Эльгер, А. Эдельс.

1 апреля в столице Чувашии Чебоксарах состоялось торжественное заседание правительства Чувашской АССР и президиума об-ли и горисполкома.

2 апреля состоится конференция чувашских писателей. В конференции примут участие представители писательских организаций братских республик.

С докладом на конференции выступит: Д. Данилов — «К. Иванов — основоположник и классик чувашской художественной литературы», Я. Ухсай — «Русская классическая литература и К. Иванов», И. Тукташ — «Фольклор в творчестве К. Иванова» и П. Дедушкин — «Язык поэмы «Нартия»».

К юбилею будет выпущено полное собрание сочинений К. Иванова на чувашском языке, монография о поэте и научно-популярный очерк о творчестве К. Иванова. В Москве будет издан перевод лучшей поэмы К. Иванова — «Нартия».

Группа чувашских писателей выезжает в Башкирию и в Ульяновск для поисков рукописей поэта и сбора материалов.

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРЫ НА ПАРТИЙНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

ИРКУТСК. (От наш. корр.). Закончилась областная партийная конференция. Наряду с обсуждением хозяйственных и политических вопросов, конференция уделяла большое внимание областной литературе. В отчетном докладе первый секретарь обкома тов. Качалин заявил: «Нельзя не отметить серьезнейший фактор культурного роста нашей области — работу иркутских писателей. Своими произведениями они помогают партии в борьбе за коммунизм». Тов. Качалин назвал имена писателей и наиболее яркие произведения, вышедшие в Иркутске.

В ролане Георгия Маркова — «Строгов» с захватывающей силой, — говорит он, — показана жизнь сибирского крестьянина, борьба партии большевиков в революции 1905 года. Плехановский работает один из лучших детских писателей Сибири Гавриил Кунгуров, его книги — «Артамашка Лузин», «Путешествие в Кляй» — известны широкому кругу читателей. Появились свои драматурги — Павел Малецкий — автор пьес «Ют в слонах», которая второй год успешно идет в Иркутском ТЮЗ и «Счастье», которая готовится к постановке в драматическом театре.

Далее тов. Качалин отмечает работу поэтов Павла Молчанова (Сибирского), Константина Селых, Анатолия Охлодова.

С огромным вниманием было выслушано выступление делегата конференции поэта Молчанова (Сибирского). Подробно рассказал о работе писателей, поэтов, фольклористов, сказителей Иркутской области, он заявил:

«Дореволюционные писатели Сибири жаловались, что, живя на окраине, они отстают, терпят ощущение джунгли жизни. Современные писатели Сибири считают великим счастьем быть активными участниками работы по социалистическому преобразованию своего края.

Делегат тов. Костюковский напоминает указание Горького о развитии литературы в Восточной и Западной Сибири. Тов. Костюковский ставит вопрос о необходимости создания областного литературно-художественного журнала и перед писателями области выдвигает задачу принять участие в подготовке к всесоюзной детской олимпиаде. Иркутские ребята должны поехать на олимпиаду с произведениями, отражающими Сибирь, ее песни, фольклор, литературу.

В принятых решениях конференции обязала обком нового состава принять меры к дальнейшему росту художественной литературы, к созданию условий для полнокровной творческой деятельности писателей.

А. ГАЙДА

ЮБИЛЕЙ МАКСИМА РЫЛЬСКОГО

5 апреля Советская Украина отмечает 30-летие литературной деятельности своего выдающегося поэта-орденоносца Максима Рыльского.

На-днях во Львове состоялся юбилейный творческий вечер М. Рыльского, собравший большую аудиторию.

Доклад о творчестве поэта сделал критик Т. Омуклов.

М. Рыльский гордо приветствовал в своих выступлениях поэт Т. Дал, украинские писатели Степан Тудор, Петр Барямал и Ярослав Курковский, от еврейской секции союза советских писателей Украины — И. Фейер и от русской секции СССР — Яков Горюховский.

КОНКУРС НА ДЕТСКИЙ РЕПЕРТУАР

С 15 марта начался большой конкурс на создание нового детского репертуара (драматические, музыкальные и хореографические произведения), отвечающего высоким требованиям воспитания детей и доступного исполнению на клубной и школьной сцене для младшего, среднего и старшего возраста. Конкурс проводится ЦК ВЛКСМ, ВПКСН, Комитетом по делам искусств при СНК СССР и Наркомпросом РСФСР.

На конкурс принимаются массовые песни для хорошего или сольного исполнения, одноактные и двухактные пьесы — драма, комедия, водевил, скетч, — либретто и музыка детского музыкального и танцевального спектакля, оркестровые произведения для всех видов оркестров народных инструментов, детский танец (описание танца с приложением нот). Срок поступления материалов по пьесам и танцам — 15 мая, по пьесам, либретто и оркестровым произведениям — 15 августа.

За лучшее произведение устанавливаются 18 первых, вторых и третьих премий и 23 поощительные премии. Первые премии устанавливаются за пьесу — 4 тыс. рублей (2 тысячи за текст и 2 тысячи за музыку); за одноактную и двухактную пьесу — 10 тысяч рублей; за либретто и музыку детского музыкального и танцевального спектакля — 12 тысяч рублей (8 тысяч за музыку и 4 тысячи за либретто); за оркестровое произведение — 5 тысяч рублей; за танец — 4 тысячи рублей. Все премированные по конкурсу произведения будут изданы массовым тиражом и дополнительно оплачены по издательским нормам.

В конкурсе могут принять участие все граждане СССР. Произведения на конкурс принимаются на любом языке народов СССР, подписанные девизом, выбранным автором.

Оргкомитет конкурса помещается в Центральном доме художественного воспитания детей (Москва, ул. Горького, переулок Саловских, д. 10).

Жюри представляет право проводить открытые чтения, прослушивания, просмотры и обсуждения, а также публиковать отдельные произведения (под девизом), представленных на конкурс, до окончания его.

Подлинная Индия

Об Индии мы знаем, главным образом, из книг европейских.

Сведения наши скудные и часто неверные.

В романах молодого индусского писателя Макс Родж Энанда мы видим подлинную Индию, видим жизнь индусского народа.

Уроженец Пешавара (северная граница Индии), Энанд теперь живет в Лондоне и пишет на английском языке. Он играет видную роль в литературном движении молодых писателей Индии и в то же время тесно связан со своей родиной: он — активный член Ассоциации прогрессивных писателей Индии.

В детстве и юности Энанд вместе со своим отцом, служившим в британской индийской армии, исколесил всю Индию. Он хорошо знает жизнь индусского пролетариата, в своих романах и повелениях он пишет, главным образом, о нем.

Первый роман Энанда «Неприкасаемый» обречен на ничто и унижение за то, что он — в числе 60 миллионов индусов — исполняет самую грязную работу и стоит, таким образом, на низшей ступени индусской социальной лестницы. Роман «Кули» — история крестьянского мальчика, споры, который полагает в город на заработки, выполняет самую разнообразную, но всегда непосильную работу и вскоре умирает от туберкулеза. Роман «Два листа и почка» — жизнь разорившегося крестьянина, вынужденного вместе со своей семьей на работу на чайную плантацию английской фирмы. Энанд рисует тягчайшие условия жизни на плантациях, изуродованный труд, бесправие, жестокую эксплуатацию индусов англичанами.

Новый роман Энанда «Деревня» — первая часть задуманной им трилогии; действие в этой части трилогии происходит за год до первой империалистической войны. Центральная тема второй части романа — «Цивилизация» — война 1914 — 18 гг. и ее влияние на Индию. Третья часть — «Все люди равны» — дает представление о нарастающей недовольности индусского народа английским гнетом, о герцохских восстаниях крестьян.

Действующие лица романа «Деревня» сходят в состав группы народов, населяющих северную Индию. В религиозном отношении они представляют обособленную от индусов секту. В свое время они были настолько сильны и многочисленны, что смогли основать в XVIII веке свое государство в Пенджабе. Они долго боролись за свою независимость с англичанами, которым в конце концов вынужден были сдать. Славные боевые традиции прошлого все еще живут в памяти сихнов, но настоящая их жизнь безотрадна и скудна.

Энанд рассказывает историю семьи крестьянина, сикха Нихал Синга. Истощенная, давно заброшенная земля дает все меньше дохода. Люди не могут выжить из заколдованного круга — помещик, ростовщик и «саркар» (английское правительство). Надо вносить помещику непомерно высокую арендную плату, платить большие проценты ростовщику, «саркар» требует треть годового дохода. Жизнь, кроме того, усложнена древнейшими традициями, религиозными верованиями, обычаями, запретами. Целый ряд сектантских ограничений и правил сковывает жизнь сикха; он должен носить длинные волосы, не смеет пить и курить, не имеет права общаться с магометанами и т. п. Английское правительство, преследуя свои выгоды, всячески поддерживает и развивает вековые предрассудки, стимулирующие национальную разобщенность.

Лалу — младший сын Нихал Синга — не может мириться с тем строем жизни, которую ведут окружающие. Он восстает против власти помещика, нарушает табу — ест мясо, притворившись магометанином, срывает свои длинные волосы и таким образом в глазах семьи и всей деревни покрывает себя несмысленным позором. Вспору Лалу приходится бежать из дома, — он полюбил дочь помещика, и последняя, боясь ее обиды, со своей дочерью, выдвигает против него ложное обвинение в воровстве. Спасаясь от преследований полиции, Лалу вступает в армию, — здесь начинается новый этап его жизни.

Когда сержант, завербованный Лалу, вел агитацию на драмуре, призывая своих слушателей вступить в армию и служить «королю-императору», он обещал, что они будут получать много денег, носить красивые мундир, курить сигареты, есть английский шоколад, пить ром. Он обещал, что они поедут за море, увидят чудесные страны, завоюют медали и славу.

Но вот рекруты знакомятся с подлинной жизнью британской казармы. Непривычная муштра доводит их до изнеможения. Сержант издевается над ними, бьет их по лицу. «Сыновья тигрицы» превращаются в ослеп и болванов. Вместо шоколада они едят чечевичную похлебку, полную камней, и рис, слежавшийся комками.

Сержанты, капралы, ефрейторы, фельдфебели — вот кто является для индусских солдат проводником британской цивилизации. Это они вкалывают в солдат страх и преклонение перед «саркаром». Нет предела разнузданной грубости в их обращении с солдатами. Их поведение — лишь концентрированное отражение поведения англичан в Индии, результат системы, основанной на терроре, системы, порождающей у индусов психологию — низкокоченство и лицемерие по отношению к высшим, жестокость и произвол по отношению к низшим.

Энанд доводит действие романа «Деревня» до начала империалистической войны 1914 года. В последней главе Лалу вместе со своим полком отправляется «за море» драться за короля-императора. Мы, очевидно, встретимся с Лалу в следующих частях трилогии. Армия вряд ли сможет подавить его протестантский дух. Многого говорит за то, что он станет борцом за дело своего народа.

Энанд — подлинный художник-реалист. Созданные им образы четки и живы. Его изображение чуждой нам жизни в его изображении становится нам близкой. Очень хороши отдельные сцены, например, картина парата перед отправкой солдат из Индии. Два-три штриха удается представить о резком контрасте между фальшиво-романтическими английскими властями, призывающими войску отбросить жизнь за неприкосновенность британской короны, и настроением солдат, не понимающих, почему им надо бросать хозяйство, разлучаться с семьей и ехать за море умирать на чужой земле.

Энанд обладает строгим чувством меры. Он не склонен к драматическим эффектам, для него характерен спокойный, сдержанный, покладливый, несколько замедленный темп повествования. Энанд ничего не надоедает читателю, он, скорее, по-что не договаривает, но тем не менее читателю все ясно.

Энанд любит родную землю, он находит свежее и поэтические образы, передающие красоту ландшафта северной Индии.

Органическая связь Энанда с родиной — одна из основных особенностей его творчества. Индия Энанда — это подлинная Индия сегодняшнего дня, его герои — это те люди, которые создадут ее будущее.

Развенчание либерализма

В. ФОМЕНКО

Очерченные книжки «толстых» журналов попрежнему выходят с таким замедлением, что разговоры на сей счет начинают казаться почти беспредельными. И все же, когда новый номер появляется с двухмесячным опозданием — как об этом молчать? Особенно, если это относится к такому журналу, как «Интернациональная литература», для которого опоздания на два месяца и больше стали системой.

Первый раздел журнала открывается статьей тов. Молотова «Сталин как продолжатель дела Ленина». Проза и стихи, посвященные шестидесятилетию товарища Сталина, привлекают своей теплотой и подлинной патетикой.

Из крупных материалов вышедшей книжки наибольшее внимание заслуживает роман Д. Хайта Престона «Либералы» (начало в № 11), отрывок из незавершенного романа Балзак «Выборы» и памфлет Роберта Бриффо «Удлок и разнузданная Британская империя». При всех идеальных и жанровых различиях этих трех произведений их объединяет одна общая черта — они пропитаны духом обличения капитализма.

«Либералы» Престона напоминают синклеровскую «Малую сталь». Однако, сопоставление сюжета не лишает роман молодого американского писателя оригинальности.

В природе, вернее в политике, существовали и существуют две основные разновидности либерализма. Истоками одной из них является честное заблуждение, другой — сознательное стремление фальшиво-романтически беспринципными и фанатичными средствами создать иллюзию общественного единства.

Примером либерала первой категории был соотечественник Престона, великий репортер Линкольн Стеффенс. Извергнувшись в утопических попытках усовершенствовать капиталистическую систему, Стеффенс в 1917 году пришел по дороге Кипрской, где Ленин с балкона произнес одну из первых своих речей после возвращения в Россию. Страстное желание видеть мир иным, лучшим, и бессилье что-либо изменить в нем практически, — таково трагическое противоречие, раздиравшее людей, подобных Стеффенсу. Они из них, извергнувшись, улав духом, пытаются уйти от действительности, другие под воздействием действительности выходят из круга заблуждений, находят правильный путь.

Престон знакомит нас с писателем, «уловившим либералом» Филиппом Уитлоком, когда тот пытается избавиться от схватившего его чувства оторванности от всего мира. Страх одиночества и тоска заставляют его метаться по стране. Догоняя «убегавшее лето», он мчится из Канзаса на юг и попадает к своему школьному товарищу Уиллу Марстону.

Со свойственной писателю наблюдательностью Уитлок изучает нравы семейства Марстонов. «Они представляют собой то, что принято называть семьей, американской».

«Интернациональная литература», № 12, 1939 г.

ской семьей, но, если оставить в стороне весьма смутное и примитивное чувство кровного родства, он не смог бы сказать, что связывает этих пятерых людей.

Действительно, это совершенно разные по взглядам и содержанию люди. Крыша «родного дома» объединяет их не больше, чем временных жильцов крыша гостиницы. Старый Марстон, владелец предприятия, занят «добрыми делами». Он часто говорит о своей «доблести», жалуется, что рабочие его не понимают. Он хотел бы быть почтенным и уважаемым патриархом не только в семье, но и на заводе. Автор постепенно спускает с Марстона буржуазные предрассудки и идеологию «добрых дел». Либерал Марстон «добры» дела «добрыми делами» стоит копейки, а когда вопрос идет об уменьшении его классовых интересов, он готов умирать голодом забастовавших рабочих, в состоянии перешагнуть через труп своей дочери Анны, ставшей на сторону стачечников. Либерал Марстона — овесть шкура, прикрывающая вольную патуру капитализма.

Роман написан до начала войны в Европе. Но в нем нетрудно увидеть художественное обобщение той эволюции от «доброй эры» к реакции, какую проделали правящие круги американской буржуазии в последнее время. Либеральные реформы сменились политической реакцией.

«Уловивший либерал», писатель Уитлок, идет в противоположную сторону. Знакомство с младшим Марстоном — Грегором обличает Уитлока с лагерем революции. Во время стачки Уитлок избирается на помощь старому рабочему, избиваемому владельцами. Благодарный порыв стоит ему нескольких зубов и долгого лечения проломленного черепа. «Боевое крещение» возвращает Филиппа к жизни. Прежде творчески бессильный, он чувствует прилив энергии. Лиричная жизнь приобретает смысл. Вместе с общественным обновлением приходит к нему любовь Анны.

Уитлок не стал еще окончательно на ноги. В его сознании еще много прежнего тумана. Возмужавший, проливший кровь, преисполненный, но как бы остановившись на пороге к полноценной жизни настоящего борца, в котором эмпирическое стремление к лучшему превращается скоро в убежденность. Автор говорит о своем герое: «Он ничего не смыслил в жизни до этого дня. Ничего, ровным счетом ничего. Он знал о ней только понаслышке. А теперь он кое-что понял и никогда этого не забудет».

Судьба Анны, дочери капиталиста Марстонов, не случайно связывается с судьбой Филиппа Уитлока. Вероятно, она когда-то давно верила отцу, принимала за чистую монету его либеральные идеи мирного переустройства жизни рабочего класса. Столкновение с действительностью и влияние брата Грегора сделали свое дело. Она увидела ханжество и лицемерие

там, где искала настоящую человечность.

В книге Престона есть недостатки. Писатель мало знает передовых рабочих, а потому, пытаясь рисовать их, ограничивается контурными набросками, иногда очень удачными, дающими внешнее сходство, и все же далекими от полного и четкого изображения. Но основное писателю удалось — показать банкротство буржуазного либерализма, разочарование и отход от него лучшей части интеллигенции. Он раскрыл напыщенность лозунги «прогресса, справедливости и народного блага», ложноэкономическую фразеологию капиталистических Марстонов.

От престоновского Марстона, живущего в Америке в двадцатом веке, легко проглядеть путь в прошлему, к изображенным генеральным Балзаком «спроситностям». Отрывок из «Выбора» — блестящая сатира на буржуазный парламентаризм. Попробуй, как знаменем, именем Дантона, издавай «спроситностей» Жизнь разлагается от переломных направлениях, о борьбе с злоупотреблениями и изъянами общественной жизни. «Для меня прогресс», — восклицает кандидат в члены Палаты, — это восстановление братства всех членов великой французской семьи». Разоблачая мышиную возню «спроситностей» 1839 года, Балзак дает истинную цену их реальным делам. «Прогресс — одно из тех слов, которыми в ту пору пытались обмануть гораздо больше инверсия и честолюбия, чем идея... Это было подпольное слово «либерализм» — новый лозунг для новых честолюбцев».

Несмотря на отсталость во времени, сатира Балзак и сейчас попадает в цель. Современная Франция, управляемая политиками Жино, Питу, Бовизака и Максима де Трай, гораздо дальше от демократии, чем «спроситности» 1839 года «от принципов 1789 года».

Общаясь со средними произведениями, опубликованными в декабрьской книжке, стоит памфлет Роберта Бриффо. Памфлет наносит чувствительный удар английским буржуазным историкам, создавшим миф о многовековом могуществе Англии как мировой империи. По мнению Бриффо, история Британской империи начинается с битвы при Ватерлоо или примерно около этого времени». До тех пор Британия играла далеко не первостепенную роль в международной политике. Десятилетний век — единственный век во мирового господства. Уже на рубеже нового столетия начали обнаруживаться «ровные предзнаменования», свидетельствующие об упадке империи, «где никогда не заходит солнце». Имперское воздействие «империи-метора» на другие государства пошло на убыль. Традиционная политика натравливания одной нацию на другую оказалась нелюбимой у двух континентов. Германия, противопоставленная Франции, стала могучим противником Англии. Япония, поддержанная против паровой России, превратилась в одного из соперников в праве господства над Азией. «Таким образом», — замечает Бриффо, — по истории Англии стала орудием своего собственного упадка, вторым своим собственным гибелью».

Оперурия богатым материалом, Бриффо проследивает превращение Англии из «кастерской империи», из «мирового извозчика» в «свободную интервенционистскую державу», все силы которой направлены к сохранению господства, достигнутого в «викторианскую эпоху», к выполнению роли «лидера реакционных сил, ведущих борьбу за обороненное на гибель дело».

Будучи последовательным в критике, в разоблачении мифов о сверхмогуществе английской империи и связанных с ним образований, Бриффо приходит к вполне логичному заключению. Вину за исторические преступления, совершенные английским империализмом, он возлагает на весь английский народ. Только после «унижения и справедливого наказания», пишет Бриффо, английский народ вернется в лоно честных наций. Автор не видит в Англии внутренних сил, которые были бы в состоянии опрокинуть здание империи. Сила обличения внезапно сменяется у него бессильем выводу, тем самым ослабляя действенность критики.

Публицистическая заостренность трех отмеченных произведений оправдывает все содержание номера.

Сообщение ТАСС

О РАТИФИКАЦИИ ПРЕЗИДИУМОМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР МИРНОГО ДОГОВОРА МССР СОВЕТСКИМ СОЗНОМ И ФИЛАНДИЕЙ

19 марта с. г. Президиум Верховного Совета СССР ратифицировал Мирный Договор между Советским Союзом и Финляндской Республикой, заключенный в Москве 12 марта 1940 года.

Опровержение ТАСС

В иностранной печати сообщается, что между Финляндией, Швецией и Норвегией будто бы ведутся переговоры о заключении так называемого «оборонительного союза» с задачами военной охраны границ Финляндии. При этом сообщается, что будто бы Советский Союз не возражает против такого «оборонительного союза» между Финляндией, Швецией и Норвегией.

ТАСС упоминать, что эти сообщения не соответствуют действительности, ибо, как это видно из известной антисоветской речи председателя норвежского стортинга г. Хамбро от 14 марта, подобный союз был бы направлен против СССР и находился бы в прямом противоречии с Мирным Договором, заключенным СССР и Финляндией 12 марта с. г.

Новинки иностранной литературы

Иностранная комиссия союза советских писателей и редакция журнала «Интернациональная литература» получили в последнее время около 60 новых книг из-за границы.

Среди новинок американской литературы заслуживает внимания роман Э. Хэм, душа в жизни рабочих хлопотных пастухов Юга США.

Советские читатели интересуются романом Джона Стейнбека «Грозная гора», известный им по напечатанным уже в граммах.

В ближайшее время будет переведена также одноактная пьеса американского драматурга Боуа Бенгала «Первые победы».

Недавно в Лондоне был опубликован роман ирландского писателя Джима Фелана «Зеленый вулкан». Автор его — участник борьбы ирландского народа против английского империализма. За свое участие в революционной деятельности Фелан был приговорен к пожизненному заключению. В тюрьме он написал роман «Пожарное заключение» и ряд других произведений.

Перу другого ирландского писателя, Шона О'Кейла, принадлежит автобиографический роман «Из ступицы в дверь» — о быте ирландского народа в конце прошлого века. Шона О'Кейла советские читатели знают уже как драматурга, видного публициста и критика. Соблаз в Англии идет его последняя пьеса «Звезда становится красной».

В романах кубинского писателя Эрнана Серна «Контрабанда» рассказывается о неудавшейся жизни молодого интеллигента.

Из Китая получен на-днях в рукописном сборник «Китай в огне», состоящий из произведений писателей, активно участвовавших в освободительной войне.

Из многочисленных писем писателей в редакцию журнала «Интернациональная литература» известно о тех произведениях, над которыми они сейчас работают.

Около года пишет свой новый роман «Конец мира» Фиттон Синклер. Это — история Европы XX века, доведенная пока писателем до Версальского мирного конференции. Как дальше будет развиваться этот роман и чем он закончится, автор еще окончательно не решил.

В скором времени должен быть опубликован и новый роман Ричарда Райта «Сын своей родины». Советские читатели хорошо знают Р. Райта по его замечательным повестям «Дети дяди Тома».

Мексиканский писатель Хосе Мансисдор обещал прислать свое новое произведение «Розы ветров».

Советские читатели смогут также познакомиться с двухактной комедией величайшего народного поэта и драматурга Иосифа Гариба Лорда «Волшебная шаманница».

Все эти произведения в числе других будут напечатаны в течение 1940 года в журнале «Интернациональная литература». Об этом сообщает редактор журнала Т. А. Рогов, выступивший на декабрьских лекциях переводчиков, состоявшихся в клубе писателей 18 марта.

Голливудская фирма «Туенти Сентюри Фокс» выпустила фильм «Гроздь гнева» по одноименному роману Дж. Стейнбека. Режиссер — Джон Форд. На снимках: кадры из фильма.

26 марта 1871 года, в день торжественного провозглашения Парижской Коммуны, парижские пролетарии, собравшись на площади перед Ратушей, назвали друг другу новых народных представителей.

...А вот тот, с длинными, отсыревшими усами, это Жан-Батист Клеман, — зашептал автор «Дней созрания вишен».

Любовно описывая собранный спину Клемана, его блузу с косматым ворсом, его мягкую серую шляпу и князюшную палку, очевидец добавлял: «Своей деревенской наружностью и этим жестоким об напомнимаю дунайского крестьянина, пришедшего за советом в римский сенат, и удивительно было, что не видишь возле него — для полноты впечатления — оварчач с оксаленными клыками».

Спина Клемана согрелась слишком рано: поэту в дни Коммуны было всего 35 лет. Сын мельника, он получил начальное образование, после чего был отдан в учение к ремесленнику. Поэт, по собственному признанию, изучил 36 ремесел, стараясь пойти среди них такое, где бы он не видел одну лишь «хозяйскую тиранью и эксплуатацию».

Он не мог найти такого ремесла и решил заняться литературой, чтобы здесь «самоучиться себе независимость и жить по своему, на свой страх и риск». Он пошел по стопам Беранже, Эженапана Моро, Пьера Дюпона и стал слышать песни, описывая в них тяжелую долю народа и призывая его восстать с оружием в руках против хозяйской эксплуатации, против капитализма.

Друзья Клемана восторженно аплодировали его первым песням. Но не так отнесся к поэту цензура Второй империи. Весь литературный путь Клемана в 60-х годах превратился в беспрестанную дуэль поэта-рабочего с цензурным ведомством, неизменно запрещающим всю его социально-политическую лирику.

В конце концов Клеману надоели вечные запрещения, и он отправился в пен-

Жан-Батист Клеман, член Коммуны

Ю. ДАНИЛИН

зурку вызвать протест. Чиновник, принявший его, равнодушно сказал:

— К чему вы касаетесь таких сюжетов, которые и т. д. и т. д.? Ведь вам было бы так легко сочинять преступные вешнии, воспевая, например, дубравы и цветы. И тут вам не пришлось бы жаловаться на цензуру.

— Хорошо, — сказал Клеман, — поделайте вамшему совету.

И неделю спустя он представил в цензуру новую песню под заглавием «О, муза, воспоем дубравы и цветы».

В парижском воздухе, ты, муза, захворала, —

Полним этот склеп, в нем душно и темно!

И пусть крылатый стих не возбудит скандала:

Мы только то споем, что нам разрешено.

Прочь, мысли горькие! С тобой бедыны мы оба.

А строгих цензоров и я боюсь и ты. Чтоб не настала нас минутья злоба, лютых злоба, лютых злоба, лютых злоба, лютых злоба!

О, муза, воспоем дубравы и цветы!

Песня получила величайшую, — насмешивая, злая, горькая, вышняя протестом. В цензурном управлении никак не ожидали, что дубравы и цветы будут воспеты таким образом. Песня Клемана удостоилась еще более свирепого «счета», чем все предыдущие.

В этих условиях неожиданное развитие приобрела интимно-любовная лирика Клемана. Поэт создал здесь маленький шедевр, песню «Дни созрания вишен», быть может, вещь автобиографическую. Она принесла ему шумную известность и стала французской народной песней. Упомянув создание вишни кораллам, кашлем крови, поэт развернул свою любовную тему в этой гамме красных тонов:

Но коротки дни созрания вишен, Когда влюбленные идут вдвоем

Срывать вишневые серезики, которые над правым дорожки Свисают алым кровавым дождем... Но все же Клеман продолжал писать и обычные свои песни. Особенно запомнились его современникам «Восьмью девяти год», где поэт недвусмысленно признавал в восстании всех «невольников и рабов земли и людей». Песня была, конечно, запрещена. Популярный демократический певец Дарсье мог спеть ее лишь после падения Империи.

За сотрудничество в левореспубликанской и социалистической прессе Клеман подвергся восьми судебным преследованиям (в частности, за оскорбление в печати Наполеона III), а в 1870 году попал в тюрьму. Революция 4 сентября вскоре освободила его. Клеман принял участие в восстаниях против буржуазно-республиканского правительства национальной обороны, а 18 марта также «счел своим долгом взяться за оружие и занять место среди бойцов Коммуны».

Клеман был избран в члены Парижской Коммуны и оказался одним из наиболее энергичных ее работников. Он — член ряда комиссий: общественных служб, промышленности, провинциальной, он наблюдает за производством военного снаряжения, вводит светское образование в школы, занят муниципальной работой во XVIII округу и успеваеет печатать статьи в газетах Коммуны.

Несмотря на свой благодушно-простоватый вид, Клеман оказался ярким врагом всякого рода дворянских и соглашательских, призывавших к Коммуне. Так, он потребовал однажды ареста Феликса Пиа за его интригование. В другой раз, протестуя против «гуманного отношения к версальцам», он внес предложение, чтобы война велась с величайшей длительностью

и беспощадностью и чтобы против версальцев были применены все средства науки, «вплоть до греческого огня». Клеман воскликнул: «Коммуна не нуждается в признании королей!» — когда Нааскал Груссе собрался было послать ноту державам об образовании нового правительства.

Первый и единственный из членов Коммуны, Клеман провел в жизнь, у себя в XVIII округе, ее декрет о передаче парижского округа квартир безжалостной буржуазии. Правда, он сделал это с опозданием, почти через месяц после опубликования декрета. Причина? Подобно всем другим членам Коммуны, он не лишен был колебаний в вопросах ее социального законодательства. Но, как видим, он по крайней мере не унывал в этих колебаниях.

В дни гонимой Коммуны Клеман дрался на ее баррикадах до последнего момента. В подполье 28 мая, к его укреплению, подошли вооруженные гореть коммуны, подошла девушка. Она сказала, что была санитаркой на соседней баррикаде, а теперь пришла узнать, не нужна ли здесь ее помощь.

Старик-рабочий обнял и поцеловал новую санитарку, тронутый ее мужеством. Защитники Коммуны, пала жизнь девушки, просидел ее уйти, но она не согласилась, а через несколько минут помощь ее была уже необходима.

Ночная баррикада долго продержалась не могла. Надо было отступать. Девушку пришлось уговаривать и тут, чтобы она не осталась около раненых и не была заложницей штыками разъяренных версальцев. Прошлась с ней, бойцы узнали только, что ее зовут Луизой и что она работница.

«Что станешь с ней? Не была ли она, как столько другие, расстреляна версальцами? И не должен ли был я посылать этой безвестной героине самую известную

из всех моих песен?» — спрашивал Клеман. И он, действительно, посылал «Дни созрания вишен» безвестной «гражданке Луизе», мобилируя, таким образом, и свою любовную лирику на службу делу Коммуны.

Клеману удалось уцелеть от майской бойни. Но он был свидетелем ее ужасов и отошелся на нее циклом возмущенных, кипевших, выходящих к месту песен. Это были из лучших страниц поэзии Парижской Коммуны. Таковы «Кровавая неделя», «Б стень», «Мой муж», «Мой бедный Анжени», «Не будет больше жалеть нищих» и много др.

В пути не встретишь никого ты: Шиния, жансармы, вновь шиния, Отчаявшиеся сироты, Измученные старикам...

Пария — вертеп людского горя, Где и счастливых душист страх, Где тонет все в солдатеком хоре И льется кровь на всех углах.

Так начинается «Кровавая неделя». Полный томашей тоски ее заключительные строки:

Когда же ты уйдешь, наша Коммуна права и труда? Но песня эта — не только вопль безнадельного отчаяния. В ее ребрне попрежнему звучит бодрая вера поэта в грядущую победу.

Да, — но Непрочтен мир и шаток. Пройдут их красные денки! Любую цепь рогатов Сметут еще раз бегунки!

Клеман был заочно приговорен к каторжным работам. Он эмигрировал в Англию, где прожил девять лет. Здесь он писал новые политические песни, читал лекции, выпускал брошюры. Здесь создал он и свою теорию проагандистской народной песни.

Вернувшись во Францию в 1880 году, Клеман был долон революционным пыла:

в песне «Свобода, равенство, братство» он резко разоблачал буржуазно-демократическое лозунги, лживые и неосуществимые в условиях капитализма:

Трех слов этих звучных, веселых, Рабочий позвал перевод. Он их: Безработица, Голод И Самоубийство — прочтет.

Песню эту Клеман посылал Вланжи, своему кумиру, «вселяющий, может быть, жутье этих трех слов», как выразился поэт.

Вылечившись в рабочее движение, Клеман примкнул к possibilistам, а после разложения этой партии и отделения от нее в 1890 году низовых кадров, пошедших за Аллеманом, присоединился к аллеманстам. Но в 90-х годах его радикализм уже заметно ослабел. В 1885 году Клеману с трудом удалось выпустить — по предварительной посылке — первый свой сборник «Песни». Здесь собрано все лучшее из написанного им. По сравнению с Путье, песни которого суровы и порой угрюмы, Клеман индивидуальнее, колоритнее, теплее, но в отношении идейного богатства и революционной непримирчивости он уступает Жагелу Путье. Как мастер песни и один из виртуозов политической лирики, Клеман оказался достойным учеником Беранже.

В 1898 году вышел второй сборник Клемана — «Оте новых песен», значительно более слабый, запечатанный реформистским духом. Имеется все основания думать, что осталось множество песен Клемана, не вошедших в эти два его сборника. Найти их — дело исследователей, ибо официальная французская критика о Клемане не писала. К поэту проявлял интерес только французская полиция. Клеман умер в 1903 г. в крайней бедности.

Лучшая часть поэзии Клемана, пронизанная горячей любовью к угнетенным народным массам, полная ненависти врагам, обаянием и эксплуататорам народа, проагандирующая приход новой коммуны, давно уже заслуживает перевода на русский язык. Досадно сознавать, что в этой области еще не сделано почти ничего.

Высокое мастерство

Есть две простоты в искусстве. Одна — от новизны, от неумения. Это простота детского рисунка. Когда взрослые применяют ее в художественных произведениях, получают вещи примитивные, имеющие к искусству самое приблизительное отношение. Если говорить о литературе для детей, то такими простыми вещами — сюжетными примерами к какому-нибудь несложному моральному принципу — были заполнены страницы революционных детских журналов. Иногда их можно встретить еще и теперь. Другая простота — от высокого мастерства. Она появляется после долгого, трудного пути как талантливое осуществление сознательно поставленной себе художником цели, и тогда перед вами — произведение искусства.

«Рассказы о Ленине» могут показаться неожиданной для Михаила Зощенко книгой. На самом же деле это органичное, естественное продолжение работы Зощенко в литературе.

Мне кажется, истоки ее не только в детских рассказах Зощенко. Он и в книгах для взрослых последние годы пытается обобщить свой жизненный писательский опыт, свести сложные отношения к формам простым, прозрачным и многогранным, как кристалл.

В этом соединении простоты с многогранностью разница между высоким искусством и примитивностью, разница между «Ладью Муратов» и несложными рассказами о войне на Кавказе из «Русско-го повеления». Характерный признак первого — экономия выразительных средств, лаконичность образа, появляющегося как результат отбора из огромного запаса, накопленного художником. Второе — лаконичность от бедности выразительных средств, образы в них приблизительны, расплывчатые, как в детском рисунке.

Эта небольшая, в 50 страниц, книга рассказов о Ленине интересна для нас прежде всего как попытка разрешения очень сложной задачи — рассказать детям о сложной задаче, чтобы они поняли, почему с таким волнением, с такой гордостью и любовью произносят это имя вслavian, с кем приходится им встречаться.

И Зощенко пытается рассказать дошкольникам, какой это был человек.

Вот он, мальчишкой, разбил графин и не признался. А потом, через несколько месяцев, оказалось, что все время мучила его неправда, пока он не нашел в себе мужество признаться. А в следующем рассказе он, научившись сам, уже учит мущину своего брата. Потом рассказ о том, как Ленин учится, с необычайным упорством делает то, что казалось невозможным самым умным профессором. Уже видно, что это не совсем обыкновенный человек. Вот он проявляет волю — бросает курить. Но все это подготовка. Приходит время, когда качества, которые выработывал в себе мальчик, юноша, надо применить в серьезной, большой борьбе.

Вот приходится тайком писать в тюрьме. Ленин выдумывает чернильницу из хлеба — ее можно есть, если застанут врасплох. Тотчайший психолог, знаток людей, он, во-первых, подставив ступ, заставляет жандармов начать осматривать библиотеку с верхней полки, а не с нижней, где запрещенная литература. Но Ленин, разный, поднимается сам по лестнице, чтобы не испугать близких.

Когда нужно найти пчеловода, он узнает адрес по направлению полета пчел. На охоте он не убивает лебедя потому, что она очень красива, и поступок этот остается непонятным другим охотникам.

В каждом рассказе Ленин появляется в окружении очень небольшого числа людей, он совершает простой поступок, и всякий раз даже самый юный читатель поймет значительность, мудрость, глубокую человечность мотивов, определенных поступков.

Очень тонко подбавляет эти эпизоды Зощенко гениальность Ленина. Нужно большое искусство, чтобы сложное понятие гениальности, даже не называя его, ввести в книгу для дошкольников.

Без нажима, простым соседством других людей, удается Зощенко показать не только обаяние, но и величие человека в его обычных поступках. Он создает образ, который с первого рассказа, со второй

страницы, становится близким читателю, вызывает в нем и глубокий интерес и любовь.

В этом портрете, постепенно возникающем перед читателем из отдельных черт, нет суровости. Портрет и не статичен, потому что в каждом рассказе есть поступок, есть движение сюжета.

Эмоциональное отношение к Ленину возникает не из диалектических рассуждений автора, не из восклицательных знаков, а из возможности для читателя самому оценить поступок, поведение человека в рассказанной ситуации. Это, конечно, более действенно, глубже проникает в сознание, чем высказанное напролом восхищение автора своим героем.

У нас выходит много биографических книг, но мало среди них удачных. Серьезный литературный разговор, а пожалуй, и спор о том, какой должна быть советская биографическая книга, в частности книга для детей, еще не начал.

Создать достойные темы книги о Ленине и Сталине — задача, необходимость которой все сильнее ощущают не только читатели, но и писатели.

Вероятно, понадобится не один опыт, пока мы сможем дать нашим ребятам книги о вождях советского народа, в которых они найдут и верный образ человека и содержание работы его жизни.

Характерно, что Ю. Герман, писавший для детей о Дзержинском, и Зощенко в книге о Ленине пошли одним путем: они конструируют образ человека из отдельных черт. У Германа тоже маленькие рассказы, отдельные эпизоды жизни, в которых он пробует, и в большинстве рассказов удачно, дать эмоционально действенное представление о своем герое.

Обе книги — поиски правильного тона разговора с детьми о самом важном, самом дорогом.

Что же нехватает книге Зощенко, чтобы считать задачу решенной?

Он показал величие человека, он показал его мудрость, волю и гуманность, но к чему они привели, как помогали эти качества преодолевать гигантскую работу пересоздания мира и в чем содержание этой работы, — не рассказано. Это, конечно, еще труднее, чем сделать образ близким, любимым, вызывающим желание подражать герою книги.

Создать биографическую книгу, в которой содержание работы было бы так же неотделимо от человеческих качеств, от поступков, от фактов внешней биографии, как это на самом деле происходит в жизни Ленина, в жизни Сталина, — вот следующий этап литературной работы.

Книга Зощенко отвечает только на один вопрос — какой это был человек. Как он жил и что он сделал — надо еще рассказать детям. Но тон разговора в этой книге найден.

Недавно, выступая на комсомольском активе, Зощенко говорил, что эта книга о Ленине для него этап на пути поисков подлинной народной формы.

И действительно, эта простая, почти прозрачная книга интересна для читателей любого возраста, любой степени образованности — в этом ее народность. Если ребенок получает, выслушав книгу, первое представление о Ленине, то мы, знающие содержание работы Ленина, прочитав книгу Зощенко, еще раз почувствуем, как близок и дорог нам не только Ленин — великий деятель, но и Ленин — великий человек.

Записки доменщика

В десятой, одиннадцатой и двенадцатой книжках журнала «Индустрия социализма» напечатаны записки И. Коробова — «Сорок лет моей жизни». Они записаны со слов Коробова А. Беком — автором повести о замечательном доменщике Курале, напечатанной в журнале «Знамя» в 1934 году, и двух повестей, также о доменщиках, выпущенных недавно отдельной книжкой.

Работа А. Бека над воспоминаниями Коробова сделана в обычной для него манере, оставившей у читателя впечатление совершенной правдивости всего, что ему было рассказано. Здесь описаны только факты и описаны они подробно, ясно, последовательно, без литературских ухищрений, без цитов красноречия, без ложной патетики. О трагическом и о радостном, о больном и о малом в записках И. Коробова рассказано с той мужественной сдержанностью, какая всегда отличает много видевших и много переживших людей от впечатлительных очеркистов. И что особенно важно, факты описаны так, что у читателя создается отчетливое и живое представление о характере рассказчика.

Нет нужды подробно пересказывать содержание этих записок. Пусть читатель сам проследит в них процесс превращения мастера в государственного человека, — процесс, совершенно закономерный в наших условиях. Это тем более интересно, что в воспоминаниях Коробова нет общих рассуждений, имеющих целью подтолкнуть читателя к определенным выводам. Вырвываясь из записок сами собой, с той же непринужденностью, с какой они возникают у человека в реальных условиях, когда перед ним не книга, а опыт собственной жизни, оживленный воспоминаниями.

Коробов рассказывал о том, что он видел и пережил. Сорок лет работы — вот содержание его записок. О том, как может быть велик труд, пройденный человеком, сорок лет работавшим у доменных печей, читателю предоставляется судить самому.

Сорок лет назад, пятнадцатилетним мальчишкой, Коробов пришел на завод. Он был чернорабочим, газопроводом, горючим, изучил на практике все профессии, связанные с выплавкой чугуна, и наконец стал мастером доменного цеха — первым русским мастером на южных металлургических заводах.

Когда началась революция, он не сразу понял ее смысл и цель. Но скоро ему стало ясно, что все жизненные принципы в нормы поведения, какие воспитала в нем долгая трудовая жизнь, как нельзя лучше совпадают с требованиями, какие предъявляет к людям новый порядок.

Коробов всегда был уверен, что работа не должна быть для человека тяжелым и мучительным бременем, каким она была для рабочих на капиталистических предприятиях. Первые же годы революции убедили его, что он не ошибся. Пролетарское государство коренным образом изменило отношение человека к труду. Коробов любил свое опасное и трудное ремесло. И сразу же увидел, как важна для революции это ремесло и люди, им занятые.

Коробов всегда был уверен, что не существует более верного критерия для определения ценности человека, чем желание и умение этого человека работать. Наконец, он всегда строил свое благополучие на стремлении работать как можно лучше. И то, как сложилась его жизнь в последовательные годы, великолепно подтвердило справедливость этого принципа.

Но не следует думать, что людям типа

Коробова в первые годы революции удавалось найти свое место в жизни, не встречая на своем пути никаких препятствий. В те времена у некоторых деятелей нашей промышленности существовало весьма прехватное представление о принципах, какими следует руководствоваться при организации производства. Уравнительство, обезличка, отсутствие трудовой дисциплины, неумение правильно оценить людей и правильно распределить между ними работу, — все это было частым явлением на наших заводах. Решительный перелом наступил лишь после речи товарища Сталина, в которой были даны знаменитые шесть условий. До этого времени Коробову и многим другим людям, честно и умело работавшим, приходилось вести жестокую борьбу со всеческими дезорганизаторами производства, прикрывавшими свое безделье и неумение трудиться фразами о чрезвычайной своей «слабости». Громкими призывами к разрушению всего старого эти люди прикрывали свое неумение создавать, богиновой! в общем-то равнодушие — свою боязнь учиться в последних рядах, а псевдоинициативным фразерством — свою классовую враждебную сущность. И часто им удавалось переиграть на свою сторону кое-кого из наименее устойчивых рабочих, находивших в их болевых опорах своим анархическим настроениям, и противопоставить их тем, кто честно и по-хозяйски относился к своей работе. Вот что рассказывает об этом сам Коробов:

«Ладно на собраниях некоторые называли меня старорежимцем. Кричали: «Он опытный с рабочего хочет шкуру драть. Выпять его вон с завода».

По со стороны честных работников всегда у меня была поддержка...

Помогнула дисциплина установилась. Партийная организация с каждым годом все крепче боролась за это дело...

И сколько бы меня ни пытались сбить с прямой дороги, я гнул свое — требовал честной работы, по-хозяйски относился к производству. И никому не давал поблажки — ни свату, ни кузну, ни коммунисту, ни беспартийному. Время показало, что я был прав...

И, добавив от себя, время оказалось очень жестоким для всех, кто пытался стать поперек дороги людям, умевшим в хитром работавшим. Для фразеров и крикунов настали трудные дни. Теперь им уже ни в чем не могли помочь напыщенные клятвы о верности революции. Педантично стало «соотвечать», требовалось «сметать». Желание работать, знание своего дела и способность творчески к нему относиться вытеснили тех, кто обладал этими свойствами, в первые ряды строителей социализма и навсегда определили их место в жизни. Знатным доменщиком Коробов стал именно потому, что все сорок лет своей жизни непоколебимо шел этим путем.

И что особенно интересно для разговора о его воспоминаниях, — он за эти годы не только научился плавить чугун, но только стал, как его называют в шутку, «доктором доменных печей», но только научился руководить людьми и направлять их работу, но воспитал в себе свойства, необходимые для того, чтобы суметь интересно рассказать о себе и о своей работе, суметь разбираться в хаосе лиц и происшествий, наполнивших сорок лет его жизни, суметь верно оценить и понять все виденное и пережитое.

Разумеется, Коробов — не писатель. И читая его воспоминания, не следует умиляться роль А. Бека, записавшего эти воспоминания. Но вместе с тем не следует думать, что даже самый острый и умелый литератор может помочь человеку сочинить свое жизнеописание, если этот человек не умеет думать и наблюдать. Несомненно, в этой своей работе А. Бек располагал превосходнейшим материалом, в задачу заключалась лишь в том, чтобы довести его до читателя, сделав литературным. А Бек выполнил эту задачу с полным блеском, и в результате его работы мы получили правдивую, подробную и интересно рассказанную биографию замечательного человека, лишний раз позволяющую нам с гордостью отметить, как далеко мы ушли от ленивых и невольных литераторов прошлого века, позволявших замечательным людям исчезать, не оставляя по себе следов.

15 марта в клубе писателей открылись курсы-конференция писателей-переводчиков. На снимке: курсанты слушают доклад. Фото В. Ягана.

Д. ДАНИН

Поэтический опыт

Есть книги стихов, совершенно лишённые цельности и своеобразия поэтического облика: перелетывающих их страницы, читая одно стихотворение за другим, с величайшим трудом обнаруживаешь крупный поэтический самостоятельности автора.

В таких книгах все с трудом поддается определению. В них не бросается в глаза прямое порождение чему-либо значительному в поэзии. В них не поражает читателя ни какая-нибудь явная неустойчивость, ни неожиданная глубина какого-нибудь вышедшего поэтом образного соответствия. Такие книги не являются плодом конкретного эпизода. Но наиболее точное, пожалуй, определение их поэтической сути состоит в том, что они являются «эпигонство» какого-то среднего, «благополучного» поэтического уровня, меняющегося, как средняя головная температура, — но всегда существующего.

И в наши дни есть такой «средний уровень», сводящий воедино все проторенные поэтические пути и дорожки, образующие в целом легкий поэтический путь поверхностного «отображения» современности. Этот средний поэтический уровень можно попытаться определить так: невозможно «эпигонство», невозможно наблюдательности, невозможно киплинговской уверенности ритма и остроты сюжетного положения, невозможно несенной риторичности и в то же время поэтической бесформенности, невозможно сентиментальности, выходящей за пределы лиричности. Абсолютная беспристрастность и вместе с тем и совершенно очевидность и тривиальность. Вот, пожалуй, и все.

Вот такой, приблизительно, книгой был первый маленький сборник стихов Елены Рывиной «Двадцать песен», вышедший год-два полтора назад в Ленинграде. Даже отрывки стихов (иногда, часто слишком трезво, колдовской строгости!), собственной стихам многих ленинградцев, но было в этой книжке.

Как пример, иллюстрирующий многое из сказанного выше, достаточно привести такие строки из «Двадцати песен»:

Когда нас веда боевая тревога,
И враг сторожил у дверей,
Путников родине слал на подмогу
Любимых своих сыновей.
И верно, Юденич запомнишь надолго,
Как встретил его Петроград.
И звали в лицо Украины и Волга
Питерских лучших ребят.

Крупницы истинного своеобразия были скупо рассыпаны в ней, безнадежно затеряны в груде сырых и серых строк. И вот теперь вышла вторая книга Елены Рывиной — «Над моей Невой». Что же может быть безразличней и бесполодей, чем скучное повторение поэту уже в несамостоятельности, поверхностности, тривиальности? И если бы новая книжка Рывиной вызвала снова желание прочитать все это, — о ней не стоило бы писать.

Досадно, что в книжке почти целиком перешагивает первый сборник Рывиной. Но не эти старые стихи определяют поэтический облик книги «Над моей Невой», и то, что они снова предложены поэтом читателю, свидетельствует только о неустойчивости Рывиной к самой себе.

Несколько стихотворений, помещенных в этой новой книге, открывают нам поэта с талантом, быть может, и не сильным, но и не версификаторским, а действительно поэтическим, с внутренним миром, быть может, еще не богатым, но своим, с мастерством очень несовершенным, но во всяком случае, развивающимся. И, наконец, — это, может быть, самое главное — сборник Рывиной «Над моей Невой» обнаруживает поэта, начинающего ясно сознавать свою поэтическую задачу. Это последнее, в самом деле, является, быть может, самым главным в поэтическом росте Елены Рывиной: слишком часто наши поэты путают задачу всей со-

ветской поэзии с теми поэтическими задачами, какие свойственны их таланту.

Темы бесконечно разнообразны, но внутренний мир и поэтический опыт поэта не адекватны этому разнообразию, и естественно, что путь поэта может начинаться следованием чужим образцам.

Елена Рывина — только лирика и, больше того, она — поэт своего внутреннего лирического мира. Вот она пишет:

Лукаво море в час прибою.
Густую пену терю,
Оно приходит за тобой —
Оно уходит от тебя.
И все уносит торопливо,
Песком и галькой хрустит;
Оно вернется в час прилива
И все обратно возвратит.

Как не сравнить любви с прибоем?
Твое спокойствие губя,
Она приходит за тобой —
Она уходит от тебя.
И все забрать с собой стремится,
Не оставляя ничего,
И все вернет она сторшею
На отшель сердца твоего.

Это стихотворение — поэтическое выражение своего лирического опыта. Но вот Елена Рывина начинает писать лирическое признание за «черноморской девочкой».

Коробак на рейде стаял,
Все девчонки обились с пот,
И придет на «Шаумяне»
Мой веселый паренек

Вместе с чуждым поэту опытом врывающегося в стихи перелетные игонки, ложный поэтический пафос приукрашенного фревовалятом частушке и все атрибуты дешевой песенности. Поэтому и хочется повторить Е. Рывиной вместе с ее «черноморской девочкой»:

Что ты знаешь, городская?
Что ты видишь, городская,
В черноморских берегах?

Елена Рывина — современный, молодой человек, ее душа, ее ощущение жизни интересны и являются собой тоже «стук» эпохи современности. Поэтому ее лирика может быть интересной и столь же нужной читателю, как и эпос, охватывающий большие пространства жизни.

Но пока, даже в той узкой лирической области, какая поддается ее таланту, Елена Рывина сделала очень немного действительно хорошего. В самом деле: от довольно примитивной афористичности («Восмислестный!», помещенных в книге («Делалась я за все причины, чтобы тебя лишь обмануть»), от довольно тривиальной, хотя и не лишней поэтической прелести подражания народным песенкам в «Рыбине», до настоящей, глубокой, человеческой лирической поэзии все-таки еще далеко. А эти вещи не случайны в книге, к ним, как и типичным, сводятся многие лирические стихи Рывиной.

Но Рывина ясно осознает несостоятельность замены плоскими «лирическими идеалами» живой действительности.

В стихотворении «Над моей Невой» появляются строки:

Если б было все, поверьте,
Как хотим мы споря,
Не написан был «Вертер»,
И поэт бы засучал.
Если б было все без бури —
Захотела и вяла,
В мировой литературе
Брешь бы явная была.

В этих невольных, навеянных, но примечательных строках есть не только осуждение легковесного лирического периода, но и осуждение творческого легкомыслия самого поэта. А это вдвойне хорошо.

Поэты Армянской ССР

В. Маяковскому

ЕРЕВАН. (От наш. моря). Поэты Армянской ССР активно готовятся к десятой годовщине смерти Вл. Маяковского. Над переводом произведений поэта работают: Г. Абов, Н. Зарьян, Г. Борьян, Веспер, Карапетян, Погосян, Х. Рачьян.

Государственное издательство Армении выпустило недавно отдельной книгой поэму Маяковского «Владимир Ильич Ленин». Поэма переведена Г. Абовым, предисловие написано Р. Григоряном.

Поэт Наир Зарьян закончил переводы: «Юбилейное», «Сергей Есенину», «Четырехэтажная халтура», «Левый марш» и ряда других произведений Маяковского. Г. Борьян перевел «Во весь голос», «Люблю» и цикл зарубежных стихов поэта.

Переводы Н. Зарьяна, Г. Борьяна, а также других поэтов войдут в одноименный избранных произведений Маяковского, который подготавливается Госиздатом Армении.

М. Рыльского

Издательство «Художественная литература» подготовило к печати сборник избранных произведений М. Рыльского.

В книгу вошли избранные произведения поэта из всех до сих пор вышедших сборников его стихотворений, включая последние издания «Украина» и «Киев».

Кроме того, в разделе книги «Из новой тетради» помещены новые произведения М. Рыльского, еще не вышедшие отдельным изданием.

Избранные произведения М. Рыльского печатаются в старых и новых переводах поэтов Москвы, Ленинграда и Киева. Здесь помещены переводы Н. Ушакова, П. Антокольского, В. Звягинцева, Л. Длугача, А. Прокофьева, В. Цвелева, Б. Турганова, М. Зенкевича, Е. Нежинцева, Н. Брауна, М. Комиссарова, В. Рождественского.

Книга будет выпущена 30-тысячным тиражом под редакцией В. Турганова, со вступительной статьёй А. Дайча.

КНИГА О НОВОМ

Б. РАГИНСКИЙ

В прежние времена критика, вероятно, объявила бы А. Тарасова патетиком. Северная природа, леса, реки — главный материал его книги.

Ядно и любовно, всеми пятью чувствами, писатель ощущает материал и хочет передать свое ощущение другим. Северная осень, бурная и вострая, — любимый лейтмотив его рассказов.

«Небо, полыхавшее круглые сутки, становится строгим, суровым. Полумрак лежит в лесу. В безмолвии еде удивившая печаль увядания и сытые запахи грибов. Рыжеют папоротники. Высокие стебли багульника, деревья, стоят с потемневшими головами. Начинает осыпаться черника. Полегли на осинах проглядывают баряный лист».

«Рыбина осыпается на желтые листья. В тихие ночи слышен легкий стук падающих ягел».

Зимой, промерзая на чердаке, она становится для ребятшек лакомством. Матовая, перемешанная с коричневыми листьями, в избе она начинает дымиться и хорошо, остро пахнет. Ее отравляют с кисти прямо зубами. Она жлет зубы и язык».

«...лес снова ожил, приобрел прежние мшисто краски и запахи. Жизнь снова исходит от всего, что видит Онеим на каждом шагу. Он снова любит: желтый лист на ветке, голые, прозрачные чаши, свет рыбника в вершине, предвещающую тишину, когда слышно, как в глубине леса падают шишки. Он любит серьезно осеннюю дню, когда дождь ложится невидимо, как роса, и по-особому пахнет тлеющим трипичный пух».

Но природа в книге Тарасова — не самоцель. Это — средство утверждения жизни. Два знающих писателя неизбежно

воспоминаются после прочтения книги «Крупиный зверь»: молодой Гамсуна и Хемингуэй. Пафос природы — отличительное свойство их. Но природа в произведениях этих писателей выступает как великий комплекс людского несовершенства. Природа вместо людей — так обстоит дело у Гамсуна и раннего Хемингуэй. Природа лучше людей, и язык ее более правдив. Люди природы мало и скупо разговаривают: они понимают друг друга без лишнего расхождения слов. Так возник закон недосказанности в творчестве Гамсуна и Хемингуэй.

Недосказывать любит и Тарасов, но у него это лишь внешний и не обусловленный идейной концепцией прием. Люди и место не противопоставлены друг другу. Люди похожи на природу и не оскорбляют, а дополняют ее своим присутствием.

Тарасов пишет о людях сегодняшней советской деревни. У них в крови чувство холмозного строя и холмозного труда. Это наследие вырвавшихся людей. Молодые поколения их никогда и не было согнуты.

А. Тарасов не бытописатель. Чувства людей гораздо важнее для него, чем общедневные подробности их быта. Речь героев книги Тарасова свободна от провинциализмов, литературна и при этом жизненно верна.

жизнь, хочет быть вместе с детьми своими и не может с ними быть: страшно мысли о полном изменении жизненного уклада. Он остается один и чувствует прежде всего натуальность своего положения. Он полон зависти к людям, счастливым в работе, но пока еще не может оставить себя присоединиться к ним. Он делает это. Сомнения в этом быть не может, хотя приход его свершит за пределами рассказа.

Герой книги Тарасова поэтично и сильно любит. В рассказе «Анна из деревни Грехи», «Охотник Аверьян», «Крупиный зверь» мы видим победительно-красивых и непобедимых в работе женщин новой деревни. Они хозяйка своей жизни, они любят радостно и бурно. И романтическая приподнятость несколько не снижает жизненной правдивости этих образов.

Слова Горького о чудачках, украшающих мир, как-то странно интерпретируются иногда в нашей литературе. Количество чудачков, населяющих оптимистическую комедию в кино и театре, прямо-таки удручает. Они позитивно преобладают над людьми нормальными.

Чудачков много и в книге Тарасова. Есть среди них традиционные фигуры, каких уже было много. Но большинство тарасовских чудачков отмечено общим свойством этой книги: неожиданностью, свежестью. Именно таковы десные охотники, старики Онеим и Лавр из повести «Крупиный зверь». Они средни тому лесному миру, в котором прожил всю жизнь. Они хорошо могут охранять этот мир от врага.

«В субботу приходят охотники и вместе с ними незнакомый человек в длинных кожаных сапогах, в кожаной тужурке. За плечами у него повешенный вещевой мешок и двустволка. Он крепкого телосложения. У него свежее молодое лицо, остроколючая борода, карие глаза смотрят открыто и пристально».

Так впервые появляется враг в рассказе «Крупиный зверь». Враг зашифрован. Постепенное разоблачение его составляет сюжетный костяк рассказа. Человек этот похож на северных лесных людей, и поэтому они начинают верить ему. Но он пришел, чтобы выжить лесные богатства страны, и это не ускользнуло от охотничьего чутья лесовиков.

А лесовики были в ссоре между собой. Один подговаривал другого в нарушении писанных охотничьих правил. Чувство общей опасности снова их сводит. Есть законы еще более важные для их сознания, чем тысячелетние законы леса.

Меняется закон жизни людей. Меняются их чувства и мысли. Это новое качество в людях более всего привлекает внимание писателя, и в этом ценность книги «Крупиный зверь».

В рассказах Тарасова нет ни патетики, ни слащавости. Они местами, быть может, излишне литературны. Пафос природы иногда затмевает глубину и значительность людских отношений.

Редактор книги не всегда приходит на помощь автору. Вряд ли удачно заявлено о том, что гуси летят «наугольником».

На странице 165 отного человека зовут и Гаврилой и Вавилой. Эти мелочи тем более досадны, что внешне книга оформлена очень удачно.

Центральный детский театр (Москва) ставит пьесу Г. Д. Нахушивили и Б. А. Гамрекли «Лад Кеховели» (постановка заслуженного артиста Грузинской ССР А. А. Такашвили). На снимке: сцена из 2-го действия — совещание тифлиских рабочих в тифлисской обсерватории. Стоят справа налево: артист А. Е. Агалов в роли Сталина и артист И. М. Перский в роли Лад Кеховели. Фотокилисе ТАСС.

А. ФЕВРАЛЬСКИЙ

Маяковский — театру

«Пьеса — это оружие нашей борьбы». Эти слова Маяковского могут служить эпиграфом ко всей его работе в театре. Первые театральные впечатления Владимира Владимировича были связаны с идеями освобожденной борьбы: в бурные дни первой русской революции маленький Воляда Маяковский увлекся в Бутыски спектаклями грузинской труппы замечательного артиста Лад Кеховели (Владимира Алексеева-Мехиева), иправшей пьесы с социальной тематикой. Пришла Великая Октябрьская социалистическая революция, и Маяковский, ставший ее поэтом, вынес первую советскую пьесу — «Мистерия-буфф». В своей драматургической работе он был агитатором, пропагандистом, революционным борцом, и к этому же знал других.

Коммуна строится трудно и долго. На помощь строителям пришло драматургия. Маяковский великолепно чувствовал театр, его требования и его возможности. Подход Маяковского к своей работе в театре был свежим, непосредственным. Жизнь всегда волновала его и не могла для него превратиться в обыденность.

Маяковский отвергал «отображающее, задним числом писаные вещи». Театр Маяковского — театр активного действия. Создавая свои пьесы, Маяковский всегда видел перед собой зрителя. Он хорошо знал этого зрителя и стремился ответить на его запросы. В противоположность тем драматургам и театрам, для которых сценическое действие — самоцель, замкнутое в себе творчество, Маяковский всегда хотел ощущать неразрывную связь двух частей театра — сцены и зрительного зала. Ему нужно было сотрудничество зрителя, он учитывал его реакцию на реплики и положения пьесы, он нередко непосредственно обращался к нему, вызывая его на соучастие в спектакле. Но при этом Маяковский никогда не опускался до лести зрителя. Наоборот, в фильме «Клопа» он прямо зовет зрителя проверить себя, нет ли в нем качеств «обывателя».

Мяковский хотел видеть зрителя, потому что это значило бы, что художник-новатор должен идти на компромисс с остальными членами аудитории. На одном из обсуждений «Клопа» он говорил: «Я боялся, что пьеса всем понравится, и придется решать, что написать гостю». Маяковский знал зрителя вперед, он хотел убедить его в правоте своих принципов.

В пьесах Маяковского бьется напряженная, вступая мысль. Она пронизывает всю драматургическую ткань, она воплощается в четких, ясных образах. Понятность мысли — вина в «Мистерия-буфф», в «Клопе», в «Вале», в «Москва горит», в «Маленьких агитаторах». Маяковский ставит своих героев в острых сценических положениях. Его слова необычайно выразительно, оно с предельной вышукостью передает мысль, оно слито с действием, больше того, — оно само превращается в действие.

В драматических произведениях, как и во всем своем творчестве, Маяковский давал зрителю пережить и пережить драматическое и им, поэтом, и народом. Строя сюжет своих пьес на материале подлинных отношений, подчеркивая в действиях ведущие тенденции, подводя к изображаемому в пьесах с позиций коммунизма, Маяковский создавал реалистический театр. Его реализм означал показ жизни в ее многообразии и красоте, раскрываясь в широкой перспективе и вольном полете фантазии, помогающей осмыслить действительность. В прологе ко второй редакции «Мистерия-буфф» драматург обращается к зрителю:

Мы тоже покажем настоящую жизнь, но она в зрелище необычайнейшем театром превращена. Зрелищность — острота, яркость и разнообразие выразительных средств — существеннейший принцип театра Маяковского. Для понимания сути драматургии Маяковского первоестественное значение имеет его утверждение:

«Театр знает, что он зрелище. Мы не знаем, как это зрелище использовать для нашей агитации».

Попытка вернуть театру зрелищность, попытка сделать полностью зрелищной — в этом суть моей театральной работы».

Агитационность и зрелищность — это и есть основа театрального новаторства Маяковского, которое привело его к построению самостоятельной драматургической системы. Зрелищность была одним из средств эмоционального воздействия пьесы, политическое содержание которых было неразрывно связано с яркой формой. Но особенно повышал эмоциональную силу, особый размах придавал им темперамент Маяковского — борьба-революционная. Страстный и убежденный художник, он зал в создании боевого, сверхающего мышле, красотой и звуком революционного театра:

Равны Революция — взрывы пьес. Сатира, как стачка, — за брехо берет. Товарищи актеры! Слова наперевес! Вперед!

Этой страстности мы обязаны тем, что такая злободневная для своего времени пьеса, как «Вале», и сейчас оказывается современной, а потому и по-новому актуальной. В этой замечательной, во многом еще не раскрытой пьесе сегодняшнего читателя (хотелось бы сказать и зрителя, но косвенно в выборе театрами репертуара лишает нас возможность видеть ее сегодня на подмостках) волнуют и те сцены, в которых Маяковский славит наш путь к коммунизму, и те, в которых он гневно грозит перспективе капитализма в быту и в сознании. Маяковский и теперь участвует в нашей жизни, борется вместе с нами за прекрасное настоящее и за еще более прекрасное будущее.

В эпоху ожесточенных социальных схваток обаятели, становится особенно актуальными основы пьесы. Маяковский в своем искусстве показывал столкновение и борьбу этих сил. Отсюда — его стремление к большим масштабам, оперирование крупными величинами. Так появляется решение места действия в масштабе земного шара и времени — в масштабе столетия. Маяковский требовал от театра размаха и силы:

Стать прожектором, чтоб рампя не померкла. Крути, чтоб действие мчалось, а не текло. Театр не отображающее зеркало, а — увеличивающее стекло.

Поверхностному читателю может показаться, что Маяковский, стремясь в театре к масштабности, пренебрегал индивидуальными чертами, отвергал личные переживания человека. Ведь он гремел: «Словесным психологом театр не поганить!»

Театр, служил коммунистической пропаганде! Но «слезливое психологство» не значит — психологическое начало, это значит лишь снижение чувства, его измельчание. Ведь первая пьеса Маяковского — трагедия «Владимир Маяковский» — была психологическим произведением. И в последний период жизни Маяковский собирается написать пьесу о любви с двумя только действующими лицами. А кто внимательно читает в «Клопе» и в «Вале», тот увидит, что Зоя и особенно Поля, а также Ундерберг, при всей экспансивности их характеристик, глубоко трогательные женские образы. Личностное начало в драматургии Маяковского еще далеко не раскрыто. Но оно в ней заложено и органически слито с политической направленностью всего творчества Маяковского.

В театральном наследии Маяковского таится также сила, которая может и должна дать чрезвычайно много ценного драматургам, режиссерам и актерам, строящим новый театр.

Маяковский как деятель театра интересен для нас не только потому, что это Маяковский, но только как хронологически первый советский драматург, не только тем новым, что он внес в театр. Пьесы Маяковского и вся его театральная деятельность очень существенны еще и как опыт работы поэта на театре. Эпоха войны и революций, эпоха социалистического строительства требует от театра искусства, поднимающего и захватывающего и вместе с тем бегущего и разящего. Такие свойства могут быть обретенны едва ли не в первую очередь на путях поэтического театра. Вот почему Маяковский-драматург, Маяковский-работник театра — проблема актуальная, сегодняшняя, животрепещущая.

Поэтический театр не исчерпывается понятием стихотворной драмы. Разумеется, стихотворная драма обязана быть поэтическим произведением. Но таким же поэтическим произведением может быть и пьеса, вышедшая за пределы поэтики, как это доказал Маяковский.

Поэтический театр понимает своего зрителя на высоте больших обобщений и с огромной эмоциональной мощью сталкивает силы, выдвинутые эпохой, в напряженном конфликте. Захватывающая патетика и разный смех — его оружие.

О могуществе такого искусства говорил Маяковский в строках своего последнего — незавершенного — стихотворения:

Я знаю силу слов, и знаю слов набат. Они не те, которыми рукоплещут лопы. От слов таких срываются проба шатагы четверкою своих дубовых ножек.

Именно этот набат звучит и в стихах Маяковского и в его поэтическом творчестве. Первый советский драматург указал советскому театру верный путь.

Маяковский открыл искусство своего времени. Столько богатств мысли и такая сила мастерства заключены в наследии любимого поэта советского народа, что в его творчестве, особенно в его театре, многое остается еще не раскрытым, и поэтом не оценены. Поэт, завещавший в будущее, он сам — в будущем.

Фильм о народном поэте

В Маяковский любит кино и с увлечением работал над сценариями, в которых нередко сам исполнял главные роли. К сожалению, из фильмографического наследия великого поэта сохранилось всего два десятка метров кинохроники — его выступления в Госиздате и Колонном зале, один поэтический фильм «Барышня и хулиган» — сценарий Маяковского по сюжету повести итальянского писателя Амиччи «Учительница рабочих», в котором он исполнял роль хулиганского парня, влюбленного в учительницу, и отрывки из картины «Завоженная фильмой», снятого по фантастической пьесе Маяковского.

К десятой годовщине со дня смерти поэта московская кинохроника готовит документальный фильм «Владимир Маяковский», по сценарию О. Брика, режиссер С. Бубрик.

В беседе с сотрудником «Литературной газеты» О. М. Брик сообщил следующее:

— Документальный фильм «Владимир Маяковский» будет состоять из трех частей. Перед зрителем возникнут величественные кавказские горы в селении Багдади, дом, в котором прошло детство Маяковского, кутаисская гимназия, портреты и документы, связанные с его жизнью. Основным материалом фильма будут кадры, в которых мы увидим живого Маяковского, читающего свои произведения. Сюда войдут и кадры из игрового фильма «Барышня и хулиган», в которых поэт выглядит наиболее естественно.

В фильме будут показаны рукописи, черновики, записные книжки поэта, афиши его выступлений, плакаты «Окна Роста», материалы о революционной деятельности Маяковского, редкие ценнейшие кинодокументы, засняты квартира и личные вещи Маяковского, библиотека-музей. В картину включаются кинокадры похорон талантливейшего поэта нашей эпохи.

Фильм будет сопровождаться исполнением мастерами художественного слова произведений Маяковского.

При жизни поэта не было сделано ни одной записи его выступлений ни на пленку, ни на граммофонную пластинку. В Государственном литературном музее хранятся лишь две записки голоса Маяковского на фонографические валики, произведенные любительски, одна — в 1920 г., когда поэт прочитал свои произведения «Солнце» («Необычайное приключение») «Послушайте», «Гимн судьбе», «А вы могли бы?», «Мое отношение к барышням» и «Наш марш», и вторая — в 1926 г., двух произведений «Вздох энд уайт» и «Атлантический океан». Используя эти фоновалики, в студии звукозаписи Мосфильма проводится сейчас весьма ценная экспериментальная работа по воспроизведению голоса Маяковского. Путем специальной обработки с пленки на пленку работники студии звукозаписи надеются избавиться от посторонних шумов и достигнуть натурального звучания голоса Маяковского. В случае удачи голос поэта зазвучит с экрана в документальном фильме «Владимир Маяковский».

Фильм предполагается закончить и выпустить на экран к десятой годовщине со дня смерти поэта.

Маяковский в Ростове

РОСТОВ-НА-ДОНУ. (От наш. корр.). В Ростовской области широко развернулась подготовка к десятой годовщине со дня смерти Вл. Маяковского.

Председателем Ростовского областного совета депутатов трудящихся создана библиейная комиссия, под председательством секретаря обкома ВКП(б) тов. Хомякова. В состав комиссии входят: поэт А. Оленин-Гененко (зам. председателя комиссии), тов. Волкова (облполком), поэты Гр. Байд, В. Дарасель, А. Софроню, актеры театра имени Горького, представители Педagogического института, Управления по делам искусства и т. д.

Комиссией разработаны планы и программы вечеров, бесед и лекций, посвященных Маяковскому. В библиотеке им.

СЛОВО О ВЕЛИКОМ

А. АДАЛИС

Воспоминание о футуристах стало смутным. Некоторые помнят желтую кофту; супрематистские рисунки на стенах арендованных помещений. Другие напоминают слухи о скандалах. Для молодежи кубизм и прочее — это миф. Она права. Нет, те, для кого суть была в желтой кофте, — не любил Маяковский. Любил же был Игорь Северянин. Игорь Северянин, а не Маяковский представлял для интеллигентного обывателя новаторство, футуризм («эго» или не «эго» в этом не разбирались), и новизну, и приятный скандал.

И вот мы начинаем вспоминать, что Маяковского с его трубным голосом не любил в те времена никто из тех, кто мог платить за билеты. Это определение кажется нелепым, — но только кажется. Чероветская память смеялась даты. Океанский шум аудиосиментов относится к более поздним временам. Свят и возмущение сопровождали молодого Маяковского. Люди, тратившие деньги в театре, в кафе, в кабаке, не хотели быть предметом издевки, — либерализм и богемишность имеют, мод, границы. Этот парен не был шутком, он дерзал всерьез.

Его любил приятель — «футуристы». Но речь здесь идет не о «течении». Шли годы, — и в процессе движения большинство соратников отчуждилось далеко от системы «Маяковский». В процессе его движения, а не их.

Теперь кажется, будто бы и тогда уже понималось, что Бурлюк, Крученых, талантивший и несчастный Хлебников, — это был не он. Кажется, будто многое прочее в его жизни — не он. Удивительный человек Владимир Маяковский; другие после смерти обрабатывают в легенду, зарастают вымыслами, зарываются в облака дружеских изысканий, уходят в туман, — его же образ сбрасывает с себя вымыслы и выступает из тумана.

Для многих оказалось непостижимой новостью, что Маяковский был простым мальчиком из Багдади.

Его не любил и многие поэты. Часть тех, кто выступал потом с воспоминаниями о Маяковском, были ничей для его насмешек. Некоторые, оборачивая, писали о нем клеветнические статьи, дурящие книжками. Другие дулись втихомолку, не признаваясь, что огорчены.

Пишущему эти строки тоже попало в юности от Владимира Владимировича за стихи, написанные в странном и ложном стиле «во-аммежма». То был искусственные стихи, в которых автору не терпелось показать незанятую приобретенную «образованность».

Ругать Маяковского не приходило поэтам. Мало, однако, знаясь на него. Они метили, не понимая, что дело это — наше революционное дело, что Маяковский это не сам по себе человек, а часть нашей революции. Другие метили, понимая.

А в это время его уже звали, любил, подымали, как знамя, миллионы людей — не «ближних» по перу, а «дальних», которые были ближе ему, чем любой литературный круг, чем даже любимые друзья. Любовь народная пришла к нему вместе с революцией, росла с революцией, укрепляясь с закреплением революции, — и не было уже силы, которая могла бы стать между ним и народом. «Знаюга поэзия» бранила поэта за то, что он «стал на

горло собственной песни», — совершенно забыв, что они же сами освистывали прежде эти его «собственные песни», как освистывали потом его плакатные строки! А протестные плакатные строки Маяковского подхватывали миллионы масс, но те же миллионы массы поняли его совсем не протестные поэмы, лирические стихи, прозные монологи, о которых «антисоциальные» отнашивали, как о стихом «сложных», слишком «затрудненных», непонятных для народа. Поистине диалектически противоречивым было это положение!

Итак, кто же его, действительно, любил перед Октябрем и в начале Октября?

В годы футуризма юности залучило борющихся, прохода по улицам ночного города: «А вы воткните сыграть могли бы на флейте водосточных труб», строки о Марии, строки из «Облака в штанах»... Это не были ни знатоки, ни инкогни, ни богемы. Богема знала Крученых, гурманов — Елезу Гуро. И не гурман подчеркивал, что это была рабочая молодежь: было ли ей, в массе, до поэзии? Но стоптанные башмаки с дерзко выпяченными чередками, пощипывающая соломенная шапка или пальто, подбитое ветром, отгнали тех, кто ворчал, повторяя про «экторн». Пожалуй, можно обобщить, что их отгнали бедность, упрямство, жажда жизни и жажда познания. Их будущее лежало в революции. Им предстояли еще фронты гражданской войны. И уже в те времена Маяковский, считавшийся безнадельно непонятным, был понятен этим юшам, неисключенным в поэзии. Они слышали в нем не прием, а суть; не стихотворную конструкцию, а протест против сиваства обывательщины. Иным было и вовсе неизвестно, — плохо ли, хорошо ли, когда поэт пишет рубленой строкой. И тогда и впоследствии смысл стихов Маяковского затемнял для старых стиховедов не только необычная форма, — он был им чужд сам по себе. Тем, кому смысл был близок, форма казалась, если и не простой, то естественной. Для малоискусленного читателя, слушателя трудность Маяковского — это трудность поэтической речи вообще.

Когда поэт читает перед широкой аудиторией стихи классического толка, — разве не лежит печать напряжения на мигах лириках? Лежит. Поэзия легка лишь в песне.

Еще одно. Не непонятность стиха вызывает напряжение у читателей Маяковского, тем более у слушателей. Не непонятность, а внимание к трудному творческому процессу. Труднейший прием Маяковского — зримая, грубая обработка тысяч тонн словесной руды! Не кубики он расставляет, а скалы, разорывает пласты слов. Язык для него материал. Материал творческий трудовой процесс стихосложения. Вот почему войдут эти стихи в бессмертье «Грубо, зримо» —

Как в наши дни вышол водопрод, Сработанный еще рабами Рима...

В материальности — суть. Пока критика спорит о трудности, похвала Владимира Маяковского та, кому родилось было его ощущение мира. Им не поменяли понять его ни составная рифма, ни рубленая строка.

А мироощущение Маяковского — это мироощущение великана. В мире малых понятий он — чудовище; в великанском мире — он свой. И пока существуют два мира, — он чувствует собственную свою огромность и огромность мира вокруг себя... Стихи его гремят, даже если читать их не вслух, а мысленно. Строки надо ломать, чтобы они не выросли в километры; образы делаются и множатся, чтобы не ступились по потолку. Взгляд, слух, руки достигают всего, что хочется взять или увидеть.

Скажем несколько примитивно. До революции великан был связан. Выпущившись из веревки, он плелся и хрипел. Освобожденный, он шагнул по улицам, как полагалось бы шагнуть нормально мыслящему великану. Небо, мостовая, афиши, плакаты, коммунальное хозяйство, звезды — ему дело до всего. Он отбьет себя

на службу тем, кто его освобождает. Попада в тесные помещения, он издает шуметь и ворочаться. Он боится тесноты, в противоположность боящимся пространства...

Ощущение огромности — своей и мира — ростенно эпохе пролетарской революции, ростенно социализму. Оно ростенно хотя бы бесконечностью людей, которые в массе управляют машинами — продолжаями рук; людям, которые взрывают горы; людям, которые подбирают миллионы вытиски книг в газет; людям, которые поднимают одним жестом столы и грузы и шагают в сотнях тысяч колоннах. Оно естественно для рабочего класса, озоавшего и проявившего свою мощь.

Маяковский был непонятен не тем, что любил принцип классического стихосложения, а тем, кому уже непонятно его самоуверие и его чувство жизни.

Мировая поэзия знает еще одного «волгана», «махну», во великана, не имеющего сикты Маяковского, великана, лежачего, а не идущего; великана, пасивного, а не готового к «труду и обороне». Это Вот Уитмен. Время говорило в нем. Но в Уитмене, как бы ни великан, не себя, те, кто позволял держать себя в рабстве, и те, кто приспосаблился к управлению питательными агрегатами через посредство чужих рук. В нем пахли себя фермеры, кормившие страну, но управляемые «аром»; безработные трампы, дремлющие на откосах дорог; рабочие, покорные хозяевам; посредники между трудом и капиталом, вообразившие, что мир принадлежал им...

Строки Уитмена не ломались, образы плали плавно, реплики не заострялись, — они не были оружием в борьбе.

Маяковский вел себя, как великан в борьбе. Это мироощущение, самое чудовище из всех, известных человечеству, может, вероятно, выразить только тот, кто в силах пережить чувство огромности и ответственности. Сместон был прерывальный космос некоторых поэтов первых лет Октября, сместон примитивным рифмованным поэтом. С другой стороны, забылись и подблеки футуристы «домашней строки», футуристы пустой формы...

Значит, разговор об ученичестве у лучшего, талантливейшего поэта нашей эпохи, о подражании, о любви дано пара пережить из области технических приемов в область смысла и стиля.

А ведь сколько еще есть у нас молодых поэтов и старых литературоведов, для которых атрибуты школы Маяковского — это рубленая строка, острое слово, составная рифма и «домпше», вместо дум! Но язык Маяковского — это не острое словечко и не «домпше». Тайна его языка в демократичности и в ораторской силе интонаций. Его разговорность. — не говорю. Отвлеченнейшие понятия, бытовые словечки, лирические метафоры и газетные термины сочетаются в строках, обмалочив жизнь — всю.

Он проделал с нашим поэтическим языком то, что Пушкин — с языком Лермонтова или агити Армения — с языком церковных книг. Он не усложнил — он приблизил. Видимая затрудненность идет не от прелегов цветности, а от желания акцентировать самый факт демократичности речи; от ораторского желания заставить слушать эту речь.

Поймать интонацию Маяковского — это еще не значит у него учиться. Поймать его манеру оперировать словами увеличительными и уличительными — тоже еще ничего не значит. Подражать Маяковскому абсолютно невозможно в тех случаях, когда нечто сказать, потому что речь его, по-ораторски, целенаправлена. По великому принципу «поэта-пророка», он прежде всего хочет действовать реально. Учится у него тот, кто понимает речь как действие, без различия технических приемов, верней, с использованием всех пригодных технических приемов.

И, главное, учиться у Маяковского не тот, кто говорит о «гиперболе образов», а тот, для кого в этих образах лирикой гипербола лет: есть образ. Учиться у него — значит учиться мерить его мерой.

Для людей нашего времени все естественно становится ощущение своей власти в мире, огромного объема своих сил. Крылья летчиков доносили до другого полушария земли. С Москвой соединяет Северный полюс. Техника, наука стали достоянием широких масс. Другими словами, руки их беспылачно укрепились, зрение сделалось «телескопным». По самою основному, что человек приучает себя работать для «дальнего». Как меняется чувство пространства и времени! Сознание становится, творческое не исключительно ради высокой оплаты, трудящегося — члена правительства — это совершенно новые категории в человеческом познании мира и самого себя.

Быть поэтом такой эпохи, поэтом человеческих существ, пробивших скорлупу своей ограниченности, может только поэт роста и наполнения Маяковского. Поэт малое наполнения может лишь удовлетворять потребность в прикладном искусстве.

Иным кажется, что писать стихи на гражданские, политические темы неестественно для того, чтобы стать на путь Маяковского. Другим, что «интимный лирик» способен добиться народной любви и права называться большим поэтом. Не может этого быть: «интимная лирика» пейзажной природы и домашних чувств — лишь малый уголок души нашего человека. Не может заменывать всю душу то, что касается лишь ее малое углока.

Но остаются «прикладными» и политическими стихи, если было их внутреннее наполнение, если они не выражают страсти и зависти, глубоких душ поэта.

Учиться у Маяковского — это значит учиться его ощущению мира, тому чувству и зрению, которые свойственны нашему народу в целом, свойственны нашему времени — борцам, героям, деятелям новой жизни, а поэтам, к сожалению, меньше, чем многим другим. Владимир Маяковский нам изучать как поэта, во всей глубине его отношения к миру и к человеку.

И поэтому самым ценным, самым умным и зрелым произведением в русской поэзии за последние годы мне кажется поэма Николая Асеева «Маяковский».

БИОГРАФИЯ ЛЕРМОНТОВА ДЛЯ ДЕТЕЙ

В. ЖДАНОВ

Как рассказать детям о Лермонтове? Это можно сделать в форме повести, где на первом плане стояло бы художественное осмысление облика поэта; известно, к сожалению, что все попытки этого рода до сих пор терпели неудачу. С другой стороны, это могло быть простое и строгое изложение темы, ограниченное рамками учебного пособия и лишнее всяких признаков беллетристики.

И. Андроников оставил посредние между этими двумя возможностями. В его книжке события жизни и главные моменты творчества Лермонтова изложены просто и по-деловому, в соответствии с документами. Но параллельно с этим автор привлекает бытовые подробности, оживляющие изложение, дает описания природы, рисует «вольные» картины обстановки, окружающей поэта. Некоторые из этих мест по-настоящему удалось автору: «Тидные ветрилы Лермонтова жарой, тишиной кривых переулков и шумом улиц и базарных площадок, яркой простотой ковров и развешанной на балконах одежде, ароматом фруктов и терпким запахом и прохладой винных погребов». Добрые голубазые буйволы влекли тяжело нагруженные арбы, хитрые ослики толпал копытами по несомононным улицам. Лермонтов с интересом наблюдал правы разноязычной, пестрой, шумной и медлительной толпы...» (стр. 42).

Лети найдут в книжке много деталей и отступлений, которые помогут конкретнее ощутить чуждую им атмосферу далекой эпохи. В этом смысле равно интересны и замечания о типичном для того времени светском умении писать стихи «во альбом на память», и рассуждения о значении дули-поиника, и рассуждения о значении Николаевской России «становившаяся средством борьбы личности за свое человеческое достоинство», и характеристика Бавказа как места ссылки политических преступников. Ту же функцию выполняют в книге и цитаты из мемуаров современников, из пи-

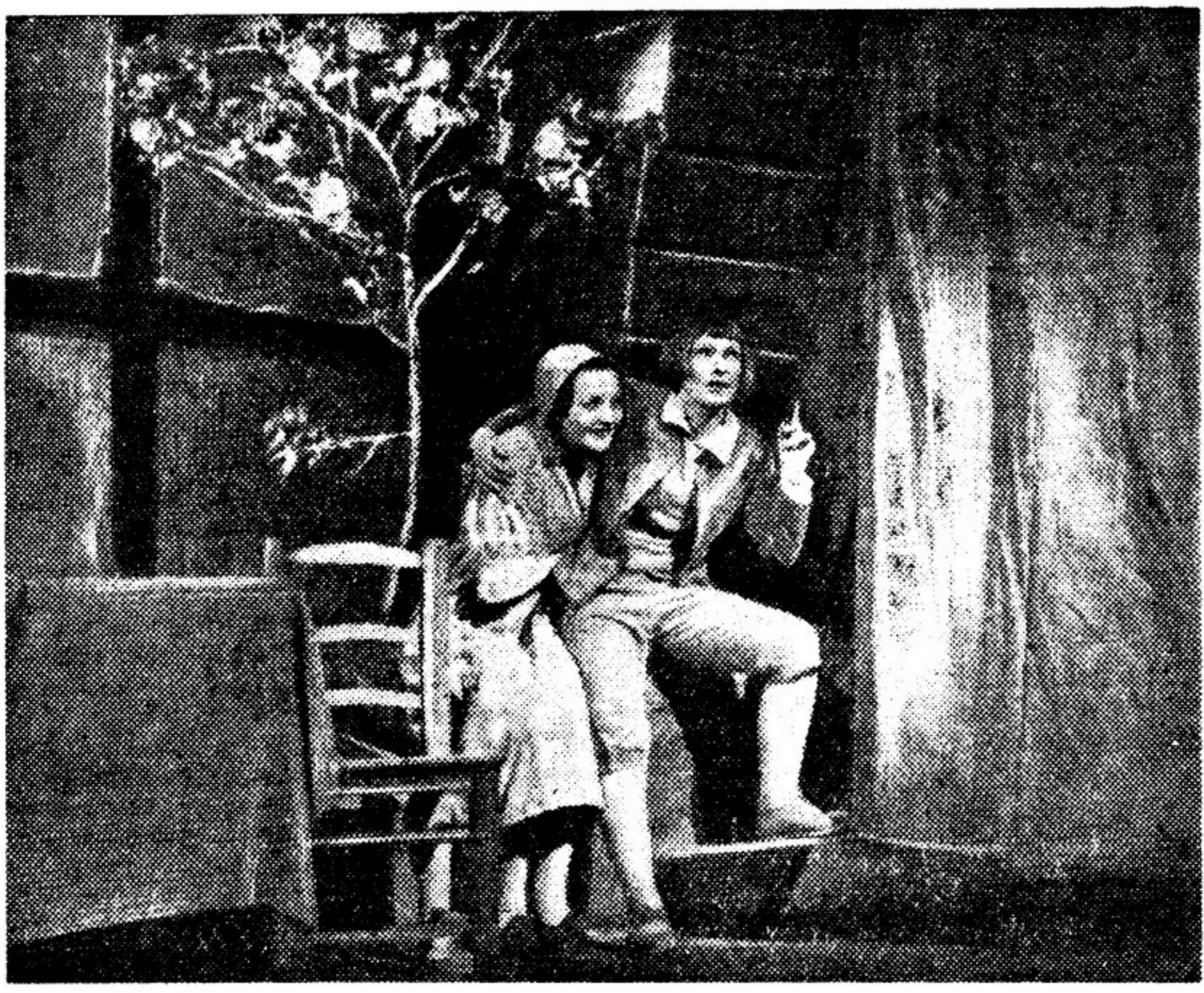
сем самого Лермонтова. Удачна мысль проиллюстрировать рассказ о дорожных впечатлениях поэта с помощью голубазого описания путешествия по тем же русским дорогам (из «Мертвых душ»).

В книжке есть и другие удачи, которые ценны, может быть, не столько детям, сколько подготовленные читатели. Отметим кратко, но убедительно сопоставление поэмы «Мирпы» с грузинским народным творчеством.

Менее убедительной выглядит мысль о том, что «Герой нашего времени» подготовились появляться «Записок охотника» Тургенева, творчество Толстого и «Записки из мертвого дома» Достоевского (стр. 69). Влияние Лермонтова на последующее развитие русской литературы, разумеется, нельзя исчерпать в одной фразе; но и в таком контекстивном виде это утверждение автора в лучшем случае очень спорно.

Неомыслимым достоинством работы И. Андроникова является последовательно проведенный взгляд на Лермонтова как на переходного человека своего времени, поэта-трибуна, творчество которого имело глубоко революционное значение. Однако колечный вывод, к которому приходит автор, сформулирован им недостаточно четко. Ни слова самого Лермонтова, сказанные им Самарину (огромное количество людей «страдает, не сознавая этого»), ни известные слова Добролюбова, подчеркивающие обращение Лермонтова к народу, не дают оснований для категоричного заявления, будто Лермонтов «полностью оознал, что в николаевской России ему ближе всего интересы русского крестьянства, стоющего под гнетом крепостного права» (стр. 72).

«Полностью оознал!» Революционные убеждения Лермонтова и демократические тенденции развития его поэзии не следует отождествлять с политически оознан-

Московский театр для детей показал недавно премьеру «Снежная королева» Е. Шарца. Спектакль поставил И. Дорониным и А. Анучиным, художники — Е. Фрадкина и Р. Вишневецкая. На снимке: сцена из первого действия. В роли Герты — А. Спиридонова, в роли Кая — К. Тульская.

На вечере советской прозы

Художественное произведение, умно и правильно прочитанное, становится еще выразительнее. Любой стих, любая деталь, почти незамеченная при чтении глазами, внезапно приобретает более глубокий смысл, и все произведение доходит до сознания слушателя, обогащенное новыми качествами.

Подлинное мастерство артиста проявляется в его способности правильно понять замысел художественного произведения и раскрыть его перед слушателем.

Творческая связь писателя и артиста обогащает обоих.

Случай, когда артист читает специально для исполнителей, нередки в наши дни. Но, к сожалению, это относится только к авторам юмористических рассказов. Много ли мы знаем примеров, когда советский поэт читал специально для артиста серьезное литературное произведение?

Впрочем, в этом нет ничего удивительного. Старинными устремлениями эстрадных концертов, установивших свои собственные «законы эстрадной специфики», из программы совершенно выгнана современная художественная проза. В каждом концерте вы найдете скетч, злободневный фельетон, частушки, куплеты с рефреном, но очень редко услышите талантливо чтение рассказа или отрывка из романа.

Серьезной прозе отводится место либо в специальных тематических программах, либо в программах юбилейных дат.

Говорят, эстрадный рассказ должен подниматься на три этажа выше, чем установленными канонами администрации: надо, чтобы было коротко, смешно и злободневно. Главное — чтобы коротко! Иначе — утомительно для публики.

РАССКАЗЫ Д. НАГИШКИНА

ХАБАРОВСКИЙ. (От наш. корр.). Очередной литературный декаданс Хабаровского клуба писателей был посвящен обсуждению новых рассказов Д. Нагишкина. Автор прочел три рассказа: «Контрпер», «Сердце Бонивура» и «Белье». В обсуждении приняли участие редактор журнала «На рубеже» тов. Белев, заслуженный деятель искусств Кобец, Бытовой, Костюк, Рогов и другие. Они критиковали рассказы молодого писателя за надуманность конфликтов и положений, за схематичность отдельных образов.

Особенно резкой критике выступившие подвергли рассказ «Белье». Ситуация рассказа вполне реальна. Жены бойцов и командиров стират белье равными и по количеству боевой операции на Завершной. Женщины с огромным размахом вытаскивают рубаху, обматывают кривошею — вот эти знакомые метки на белье. Деталь очень вычужденная. Но вот терпение рассказчика комично выписывает извещение о смерти мужа, предлагая оставить работу у корыта. С каким-то непонятным революционным женским ответом: «Сын не хуже отца будешь, и продолжай стирать. Как бы ни была мужественна советская женщина, она никогда не воспримет так равнодушно утрату любимого человека. Вот почему конец рассказа гремит против жгущей правды.

Лучше других, по мнению выступивших, рассказ «Сердце Бонивура».

Лермонтов на Кавказе

Орджоникидзевским краевым издательством выпущена книга проф. Л. Семенова «Лермонтов на Кавказе». Книга посвящена основным проблемам, связанным с пребыванием Лермонтова на Кавказе и изучением кавказских мотивов в его творчестве.

В первой части книги дано подробное описание поездки Лермонтова на Кавказ в 1825 году. Автор приводит литературные документы, воссоздающие тогдашний Кавказ и характеризует раннее творчество поэта (1828—1834 гг.), непосредственно связанное с кавказскими впечатлениями.

Подробно рассматривает проф. Л. Семенов и последующие этапы пребывания Лермонтова на Кавказе — в 1837 и в 1840—1841 гг., в частности встречи его здесь со многими декабристами и писателями.

В первой части книги дано подробное описание поездки Лермонтова на Кавказ в 1825 году. Автор приводит литературные документы, воссоздающие тогдашний Кавказ и характеризует раннее творчество поэта (1828—1834 гг.), непосредственно связанное с кавказскими впечатлениями.

В первой части книги дано подробное описание поездки Лермонтова на Кавказ в 1825 году. Автор приводит литературные документы, воссоздающие тогдашний Кавказ и характеризует раннее творчество поэта (1828—1834 гг.), непосредственно связанное с кавказскими впечатлениями.

В первой части книги дано подробное описание поездки Лермонтова на Кавказ в 1825 году. Автор приводит литературные документы, воссоздающие тогдашний Кавказ и характеризует раннее творчество поэта (1828—1834 гг.), непосредственно связанное с кавказскими впечатлениями.

В первой части книги дано подробное описание поездки Лермонтова на Кавказ в 1825 году. Автор приводит литературные документы, воссоздающие тогдашний Кавказ и характеризует раннее творчество поэта (1828—1834 гг.), непосредственно связанное с кавказскими впечатлениями.

Десятилетие литературной группы

ДНЕПРОПЕТРОВСКИЙ. (От наш. корр.). В этом году исполняется десятилетие существования старейшей литературной группы Днепропетровска — «Плавка» (защит им. Петровского).

В 1930 году несколько работников заводской газеты «Ударник», пробующих свои силы в литературном творчестве, решили создать свою литературную группу. Заводская общественность и редакция многократно поддерживали это начинание. Наряду с регулярными встречами, чтениями и обсуждениями произведений, устраивались лекции, доклады, коллективные посещения театров. Иногда на обсуждениях заглядывали днепропетровские писатели — слушатели, почитать, обменяться мнениями (в последние годы посещения эти, к сожалению, почти прекратились). Постепенно в «Плавку» приходили новые товарищи, влияли свежие силы; так выкристаллизовалась основная группа, примерно человек пятнадцать-двадцать.

Некоторые из членов «Плавки» добились определенных успехов. Так, Г. Анкива недавно закончил большой роман «Часовщик Фогель», принятый в печать редакцией жевского журнала «Молодой большевик». В романе автор попытается показать быт и нравы ремесленника и кустаря в дореволюционную эпоху, преодоление пережитков мелкобуржуазно-педагогической психологии в сознании этих людей. В настоящее время Анкива приступил к работе над новым романом — «Искания», о молодом поколении советской технической интеллигенции.

Пьеса члена литгруппы М. Коваленко «Рентения» на всеобщем конкурсе общественных пьес получила поощрительную премию. Одноактная пьеса другого начинающего драматурга, П. Лыскова одобрена украинским репертурным комитетом и разрешена к постановке в рабочих клубах.

Прозаик П. Костюков, находившийся в частях доблестной Красной Армии во время освобождения юд трудящихся Западной Украины ма-под гнета польской шляхты, сейчас работает над книгой рассказов о западноукраинских братьях.

Новые стихи пишет В. Грибаум и А. Соболев.

«Плавка» деятельно готовится к своему десятилетию. На очередном пленуме заводского партийного комитета будет специально обсужден отчетный доклад литгруппы. Предлагается издание сборника очерков «Знатьные злы заволы» и литературно-художественного альманаха произведений членов группы, организация творческого соревнования с литературным объединением «Вальцовка» московского завода «Серп и молот».

Следует отметить плодотворную творческую дружбу молодых литераторов «Плавки» с К. А. Треневым, который уже несколько лет присутствует над литгруппой «Плавка».

М. ШЕХТЕР

Интересная встреча

ВОРОНЕЖ. (От наш. корр.). Воронежский обком ВЛКСМ уделяет большое внимание вопросам литературы и работе с молодыми писателями. По его инициативе организован ряд поездок воронежских писателей по районам области. Прозаик М. Бураков и поэт С. Давыдов в Воронежской области участвовали на Всероссийской сельскохозяйственной и международной Нью-Йоркской выставках.

Проведен большой вечер встречи воронежских писателей с комсомольским активом города. После выступлений доклада доцента Педагогического института И. Романовского с чтением своих произведений выступили М. Подолов, С. Давыдов, М. Амстиков и другие. Вечер принял участие народный артист республикан А. В. Поляков, прочитавший рассказ М. Сергеева «В Дубровном».

Решением обкома ВЛКСМ и бюро Воронежского отделения ЦСР при редакции альманаха «Литературный Воронеж» и газеты «Молодой коммунар» создано литературное объединение молодых писателей.

В секции критиков

На днях состоялось заседание бюро секции критиков. Обсуждались темы докладов на ближайших собраниях критиков в Москве.

С докладом о творчестве Маяковского, намеченном на конец марта, выступит В. Перцов.

В апреле и мае будут заслушаны доклады В. Гоффенштейна — о «Тихом Доне», А. Роскина — «Чехов и современная советская литература», А. Лейтеса и Н. Мещерякова — «Литературный стиль в произведениях товарища Сталина» и Л. Борового — о языке современной прозы.

Один из вопросов будет посвящен современному зарубежному литературному творчеству. Доклад о литературе Испании, А. Старцев — об американской литературе, Л. Баровой об английской и Б. Песне — о французской.

Детальному обсуждению на заседании ЛенСЦП подвергнется предложение Михаила Козлова о создании при Ленинградском отделении союза сектора пропаганды художественной литературы. Новый сектор должен будет широко развернуть в Ленинграде и области литературные вечера писателей, творческие встречи с читателями и т. д. С 24 марта начинается выходить «Литературная газета по радио».

Группа ленинградских писателей поставила перед правлением ЛенСЦП вопрос о

Сказители и фольклористы

За последние годы на страницах журналов и газет стали появляться литературно обработанные произведения фольклора. Причем, наряду с произведениями, тонко и художественно обработанными, в которых индивидуальность творчества сказителя полностью сохранилась, все чаще под маркой народного творчества печатаются тексты, в корне искажающие индивидуальность сказителя и редкую многогранность его творчества. Грубые погрешности навязывают ему те или иные темы, поощряют произведение в соответствии с субъективными вкусами обработчика.

Секция народного творчества уже последние несколько заседаний работала методом работы со сказителями и принципам обработки фольклорных произведений. На последнем декадансе секция обсуждала подгот. доклад Н. Леонтьева «Сказатели и фольклористы» и метод моей работы с ней».

М. Р. Голубовая — талантливая представительница устного народного творчества, блестящий знаток песни, поговорок, поговорок, творец высокохудожественных пьес и пьеситов.

О своей тяжелой жизни, типичной жизни русской крестьянки до революции, она рассказала в своем пьесе по умершему мужу:

Я не знаю жила, горе микала до чужих днах, по работухе: Утром рано была разбужена, вечер поздно была ужжена, среди ночи была потворожена. День и ночь я была на работухе.

Н. Леонтьев первый обратил внимание на Голубовую и проявил с ней большую профессиональную работу. Но вмешательство Леонтьева в творческий процесс Голубовой, стремление во что бы то ни стало назвать Голубовой его собственные установки, его собственный художественный критерий не могут быть расценены иначе, как насилие над творчеством сказительницы.

Говоря о своем вмешательстве в творческий процесс сказителя, Н. Леонтьев уточняет: — Если сказительница в ходе работы увлеклась, отходила от первоначальной задумки, то я, как правило, ее возвращал к

нему. Все неприглядное, с точки зрения литературной, не соответствующее общему тону и стилю сказа и встречавшееся в речитативной «полюшке» или «моделю» лучше приду-мать».

Такой метод работы, по мнению тов. Леонтьева, должен бы принудить сказительницу критически относиться к создаваемым ею произведениям.

Учитывая субъективизм оценок докладчика, присутствовавшие попросили его прочитать для сравнения два варианта одного и того же сказа, записанного у Голубовой до обработки и после нее. Оказалось, что сделать это невозможно, так как Н. Леонтьев все непроизвольно по его мнению вообще не записывал.

Доклад тов. Леонтьева вызвал оживленные прения. Признавая плодотворность совместной работы писателя и сказителя, выступившие резко возражали против вмешательства сказителя, против вытравливания из произведений фольклора индивидуальных особенностей его творчества.

Все опубликованные вещи Голубовой, — говорит тов. Лукин, — идут не от личных непосредственных переживаний сказительницы. Чувствуется, что метод тов. Леонтьева стремится не дать возможности писателю вернуться к его творчеству. Вот почему патристическое лицо Голубовой в этих совместно созданных произведениях мы не видим.

Тов. Рождественская указала на нечеткость формулировок докладчика и на порочность его метода.

Об утрате чувства непосредственности, о стремлении придать сказкам Голубовой при литературной отшлифовке традиционные формы говорил тов. Коробабельский.

— Мне хотелось бы, — заявил он, — чтобы сотрудничество писателя и сказителя выразилось не в приложении писательской техники к неграмотности или малограмотности того или иного сказителя, а в выявлении чувства того нового, которое безвозвратно имеется в фольклоре.

Против фальсификации, подучившей в последние годы широко распространившиеся в народном творчестве, резко выступил тов. Булатов.

В прениях высказались также тт. Розов, Сидельников, Богатырев, Богомолов, Мареев и другие.

С. ЖИСЛИНА

Театры в гостях у писателей

ЛЕНИНГРАД. (От наш. корр.). В Ленинградском Доме писателей им. Маяковского создается хорошая традиция. Несколько ленинградских театров зашли за правило каждую свою новую постановку, накануне ее выпуска в свет, показывать писателям. Наиболее частыми гостями в Доме писателя бывают Театр комедии под руководством Н. П. Акимова и Театр им. Ленинградского совета под руководством С. Э. Радлова.

Театр им. Ленинградского совета показывал на днях в Доме писателя ряд сцен из драмы Островского «Бесприданница», премьера которой назначена на март. Пред показом С. Э. Радлов рассказал в своей трактовке этой пьесы Островского.

С большим успехом прошел вечер, посвященный премьере новой пьесы Евг. Шварца «Тень» в Театре комедии. Остроумная вступительная речь Н. П. Акимова ввела зрителей в атмосферу спектакля. Артисты Гошева, Юнгера, Зарубина, Телеш, Боньяминов, Биселев, Лейши, Суховерхов и другие показали отрывки из «Тени».

Прошедшие два вечера заложили фундамент настоящего творческого общения литераторов с мастерами смежных областей искусства. В дальнейшем направлении Дома писателя им. Маяковского намечается ряд таких же встреч с другими театрами и кинотеатрами Ленинграда.

А. Д.

Хроника

Президиум совета писателей переосмыслил свое решение от 22 февраля о реорганизации творческих секций ЦСР СССР в клубные секции. Президиум считает правильным свое решение от 7 января — освободить секции от всяких организационных, административных и бытовых функций, предоставив им возможность заниматься исключительно творческими вопросами. Как творческие секции они должны развертывать свою работу при клубе писателей, продолжая, однако, заниматься в ведении непосредственно президиума ЦСР СССР.

Секция прозаиков и поэтов предложено в течение ближайшего времени избрать новое бюро. К 27 марта все секции союза писателей должны представить президиуму свои планы творческой работы.

Грузинский писатель Константин Гамсахурдия работает над второй частью трилогии «Война» и над первой частью трилогии «Давид-строитель». В «Давид-строителе» автор хочет показать борьбу грузинского народа против сельджуков и туркманов (эпоха XII столетия). Кроме того, в нынешнем году К. Гамсахурдия публикует перевод на грузинский язык 2-й части «Божественной комедии» Данте. Первые две части в его переводе уже вышли.

Управление по делам искусств при Совнаркоме Дагестана и союз писателей ДАССР объявили конкурс на лучшую пьесу. Установлено шесть премий — две первых по 10.000 рублей, две вторых по 6.000 руб. и две третьих по 4.000 рублей.

Чувашский поэт Иван Матлаев закончил перевод на чувашский язык 12-й песни калмыцкого народного эпоса «Джамгар» — «О черном строгом Самале». Сейчас поэт переводит вступление к эпосу.

Институт языковедения Академии наук УССР подготовил к выпуску в 1941 г. новые русско-украинский и украинско-русский словари.

В Казани в доме, где находилась будничная Дерябина и где в 80-х годах прошлого века работал подручным пекаря А. М. Горький, открылся дом-музей имени великого писателя.

В подвальном помещении дома полностью восстановлена печь, сложенная печь, стоят столы, формы для теста и т. д.

Среди экспонатов дома-музея — модель парохода «Добрый», на котором А. М. Горький работал посудником.

ИЗВЕЩЕНИЕ

20 марта в клубе писателей организуется доклад на тему: «Оборона родины и литература». Докладчик — Л. Якулин. Начало в 8 час. вечера.

Редакционная коллегия: В. ВИШНЕВСКИЙ, А. КУЛАГИН (отв. редактор), В. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ, М. ЛИФШИЦ, Е. ПЕТРОВ, Н. ПОГОДИН, А. ФАДЕЕВ.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН ИЗД-ВА «СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ» Кутаевский мост, 18. Тел. К-44-30

ПОКУПАЕТ сочинения ЛЕНИНА — СТАЛИНА, художественную литературу В СТАРЫХ и НОВЫХ изданиях — всех РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ, ИНОСТРАННУЮ и ПЕРЕВОДНУЮ ИНОСТРАННУЮ, А ТАКЖЕ ИНОГОРОДНИЕ БИБЛИОТЕКИ. Для осмотра домашних библиотек высылаются товароведы.

МАГАЗИНЫ МОСКУЛТОРГА № 15 Кутявский мост, д. № 1 (у Политехнического музея) Тел. К-5-86-90. № 2 Арбат, д. 4. Тел. К-1-90-39. № 3 ул. Горького, д. 22. Тел. К-4-47-04. № 18 Ореховка, д. 38. Тел. К-5-50-78. № 28 ул. Горького, д. 78. Тел. Д-1-36-76.

ПОКУПАЮТ У НАСЕЛЕНИЯ КНИГИ ПО ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ, ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И Т. П. ДЛЯ ПОКУПКИ БИБЛИОТЕК ВЫСЫЛАЮТСЯ ТОВАРОВЕДЫ НА ДОМ.

КНИЖНАЯ ЛАВКА ПИСАТЕЛЕЙ ул. Горького, 13. Тел. К-1-28-32. ПОКУПАЕТ КНИГИ РУССКИЕ и ИНОСТРАННЫЕ; ХУДОЖЕСТВЕННУЮ ЛИТЕРАТУРУ, ПО ИСКУССТВУ, ТЕАТРУ и т. П. Для осмотра домашних библиотек высылаются товароведы.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: В. ВИШНЕВСКИЙ, А. КУЛАГИН (отв. редактор), В. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ, М. ЛИФШИЦ, Е. ПЕТРОВ, Н. ПОГОДИН, А. ФАДЕЕВ.

МАГАЗИНЫ МОСКУЛТОРГА № 15 Кутявский мост, д. № 1 (у Политехнического музея) Тел. К-5-86-90. № 2 Арбат, д. 4. Тел. К-1-90-39. № 3 ул. Горького, д. 22. Тел. К-4-47-04. № 18 Ореховка, д. 38. Тел. К-5-50-78. № 28 ул. Горького, д. 78. Тел. Д-1-36-76.

ПОКУПАЮТ У НАСЕЛЕНИЯ КНИГИ ПО ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ, ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И Т. П. ДЛЯ ПОКУПКИ БИБЛИОТЕК ВЫСЫЛАЮТСЯ ТОВАРОВЕДЫ НА ДОМ.

Юбилейные комиссии ЦСР Армении

ЕРЕВАН. (От наш. корр.). В связи с предстоящим 800-летием со дня рождения великого азербайджанского поэта Низами при союзе советских писателей Армении создана юбилейная комиссия под председательством Ст. Зорьяна. В состав комиссии вошли тт. Исаакян, Сирац, Демирчян, Таронян, Ширац, Абов, Топалян, М. Манвелян, Р. Кочар, Р. Григорян, Погосян. Комиссия наметила ряд мероприятий по проведению предстоящего юбилея.

Бригада в составе Д. Демирчяна, Н. Зарьяна, Г. Сарьяна, Г. Борзяна, В. Григоряна и Веспера приступила к переводу поэмы Низами «Хосров и Ширин».

При союзе писателей Армении сейчас работают также юбилейные комиссии по празднованию 100-летия со дня рождения А. Перетали и 500-летия рождения Навои.

Новое бюро еврейских писателей г. Москвы

13 марта состоялось общее собрание секции еврейских писателей. С отчетным докладом о работе бюро выступил Перел Маркин.

Вокруг доклада развернулись оживленные прения. Выступившие писатели С. Голдшер, Д. Бергelson, А. Кушироф, Э. Гордон, Л. Квитко, Г. Реминик, Ш. Эпштейн, Б. Орманский, Я. Ривес, С. Персов, М. Витер, Н. Добрушин, И. Устинов, Б. Олеский указали, что за последний год работа бюро и секции значительно улучшилась. Это привело к большому оживлению творческой и общественно-политической деятельности писателей, особенно за последний год.

Вместе с тем в работе секции еще имеются недостатки. Выпуск альманаха «Советский» систематически запаздывает; дождит до того, что в нем помещаются произведения, уже вышедшие отдельными изданиями.

Тайным голосованием в состав нового бюро избраны Перел Маркин, Д. Бергelson, Л. Квитко, И. Устинов, А. Кушироф, Р. Рубина и В. Олеский.

Новые книги Горьковского издательства

ГОРЬКОВСКИЙ. (От наш. корр.). В Горьковском областном издательстве на днях вышли две новые книги: альманах горьковских писателей и сборник сказок сказителя-орденоносца И. Ф. Ковалева.

В альманахе напечатаны сокращенные варианты романа А. Патрешева «Известия» и романа В. Костелева «Козьма Минин», либретто оперы «Стен Ралин» поэта И. Вирюкова, стихи М. Шестерикова, В. Пильника, А. Зарубина, И. Рогова, В. Соркина, С. Кирьянова, А. Новикова.

В критическом разделе помещены статьи В. Рюрикова о романе Н. Кочина «Юность» и статьи А. Елисея о А. М. Горьком.

Связисть Ковалев поместил в своем сборнике несколько сказок.

Чайковский на московской сцене

Под таким названием государственное издательство «Искусство» выпускает сборник, содержащий переписку великого русского композитора П. И. Чайковского с рядом деятелей московских театров.

Сборник содержит также большую статью В. Яковлева о первых постановках опер и балетов Чайковского на московской сцене.

Сборник подготовлен к печати театральным музеем имени А. А. Бахрушина.

В Ленинградском отделении союза советских писателей

ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА МАЯКОВСКОГО.—ПРОПАГАНДА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. — ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ, ПОСВЯЩЕННЫЙ ФЛОТУ. — НОВЫЕ ЧЛЕНЫ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Газета намечено выпускать один раз в шестидесять. Будут издаваться и специальные выпуски, посвященные знаменательным датам революционного календаря, литературным юбилеям и т. д. Наконец, сектор должен будет наладить сотрудничество ленинградских писателей в печати области, помогая районным газетам получать квалифицированные писательские рассказы, повести, очерки.

В прениях по докладу тов. Козлова выступили: Ю. Герман, И. Эвентов, Н. Вагнер, В. Дружин, В. Каверин, И. Чуковский, Л. Раковский, директор Ленипфонта тов. Бешелев, Б. Лавренко и другие.

Правление ЛенСЦП набрало оргбюро сектора пропаганды художественной литературы в составе С. Баршапанова, М. Козлова, Е. Лагаского, Е. Павлова и Б. Реста (председатель). В редколлегию «Литгазеты по радио» вошли: Е. Добин (отв. редактор), С. Маркин, Н. Браун и представители Ленинградского радиокомитета.

Группа ленинградских писателей поставила перед правлением ЛенСЦП вопрос о

создании в Ленинграде литературно-художественного журнала, типа московского «Знамени», по посвященного в основном тематике Военно-Морского Флота СССР. Инициаторы этого журнала — товарищи В. Лавренко и Н. Чуковский — указывают на огромный материал, который имеют писатели героические люди и героические дела Военно-Морского Флота, в частности Краснознаменная Балтика, где писатели активно работают последние три с половиной месяца. Кроме того, в Ленинградском Военно-морском музее и морском архиве имеются исторические материалы и документы, представляющие исключительный интерес для писателей.

Морской литературно-художественный журнал должен будет содействовать делу создания большого Военно-Морского Флота, дать возможность писателям еще активнее участвовать в укреплении оборонной мощи СССР — великой морской державы.

Правление ЛенСЦП единогласно поддержало предложение писателей. Вопрос о журнале передается на рассмотрение соответствующих организаций.

На том же заседании правлением ЛенСЦП приняты в члены союза детские писатели Д. Михайлов и Б. Высоковский и театральные критики П. Громов и Л. Малютин.